

Я им сказал, что единственный мой конфликт, — это недостаток образования и закрытость Дагестана.

(С. 20)

Здесь надо выбрать раз и навсегда — жить для себя или для других и больше не нервничать.

(С. 54)

ДАГЕСТАН

№10 (145)
ОКТАБРЬ 2017
journaldag.ru

Шахбанов Ф.
2016г.

Колонка неглавного редактора

Борис, Гаджимурад и снова Борис

Недавно меня подловили. Спрашивают: «Почему ты так говоришь — ваш Дагестан? Ты же здесь вырос, учился, работал. Нехорошо».

Вообще-то у меня в запасе вагон ответов — почему. Например, потому что сторонюсь разброк: кто, куда, на какой пост присел, кто, сколько, откуда украл и кто чей родственник. Да и прежде не интересовался. Не моё.

Или потому, что замечательная женщина Нина Викторовна Мелик-Саркисова — я писал у неё диплом по «зарубежке» — как-то сказала, как каждый раз, возвращаясь в Махачкалу, она словно заново видит город и людей. И непременно находит что-то новое, хотя прожила в нём — дай бог каждому. О ней ходила легенда, что из-за неё стрелялись мужчины, — так она была красива и обворожительна в молодости. И её слова, и легенда позволили мне посмотреть на пожилую уже женщину другими глазами. Да, вполне могли и стреляться. Даже в СССР.

И да, я хочу смотреть на город и горы как в первый раз. Находить людей, которые тоже умеют это делать. Они расскажут о нашем Дагестане то, чего мы ещё пока не замечали или подзабыли. Найдут новые, необычные краски, слова, места, людей — и поделятся с нами.

Поэтому у нас сегодня под обложкой, и не в первый раз — Борис Бергер, приехавший некогда в Махачкалу из Львова в золотых штанах и моментально перезнакомившийся со всеми её

художниками, режиссёрами и бандитами. Он говорил с ними на одном языке. И сам был и художником, и режиссёром, и писателем, и много ещё кем потом. И наш провинциальный город его чем-то зацепил. Так что до самого своего ухода — не из города, а насовсем, он вспоминал тех, кого нашёл здесь. Город стал его частью, а он — частью его. Потому всем тем, кто его знал, важно, чтобы след от пребывания Бори Бергера в Дагестане не затёрся слишком уж быстро и без остатка.

Гаджимурад Эфендиев должен был стать благополучным борцом с коррупцией. УБЭП — верный кусок хлеба с маслом по нашим временам. Но что-то пошло не так, поперёк горла. Чтобы взглянуть на наши горы по-новому, Гаджимураду пришлось отойти на некоторое расстояние — до Нальчика, а потом до Италии. Теперь он снимает то, что ему снится, — авторское кино, в том числе про «свой» Дагестан.

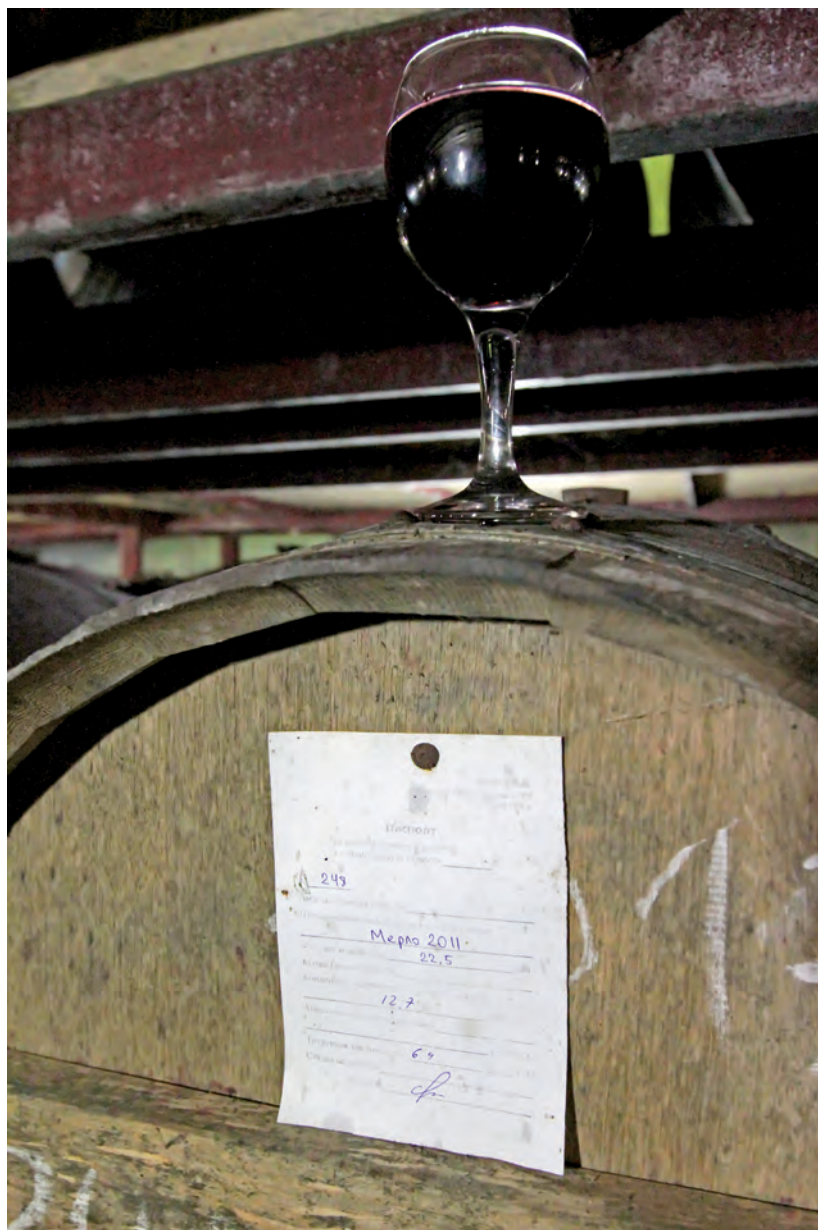
С интересной стороны открылся «кубачинский москвич» Борис Войцеховский. Журналист, поэт и просто весёлый человек, нагребаящий кучу дагестанских лайков в своих постах в фейсбуке, кажется, успел побывать везде. Теперь вот — «шершавым языком» плаката? комикса? нового агитпропа? Борис предлагает нам немножко улыбнуться.

...Я ответил на вопрос?

Дмитрий Горбанев

Содержание

- Тамерлан Магомедов*
4 Кадры решают. Все?
- Наида Хаспулатова*
7 Каякент:
море, бабы
и генерал
- Андрей Меламедов*
14 Подделка как символ
признания
- Светлана Анохина*
20 Такое кино
- Влада Бесараб*
28 Открытый просмотр
- Влада Бесараб*
34 Абрикосовый рай
и его обитатели

Фото в номере: Руслан Алибеков, Евгений Костин,
Гаджикурбан Расулов, фото из личного архива
Гаджимурада Эфендиева

16+

ДАГЕСТАН

№10(145) октябрь 2017 г.

Выходит с августа 2002 года

УЧРЕДИТЕЛЬ
Министерство печати
и информации
Республики Дагестан

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
М.И. АЛИЕВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:
367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4, 2-й
этаж (Союз писателей Дагестана)

Телефоны:
67-02-03 (главный редактор)
67-02-08 (отделы)
E-mail: dagjur@mail.ru

НАШИ РЕКВИЗИТЫ:

Получатель: ИНН: 0562053040
КПП 057201001
УФК по РД (ГБУ РД «Редакция журнала
«Дагестан» л/с 20036Ш60490)
Банк: ГРКЦ НБ РЕСП. ДАГЕСТАН
БАНКА РОССИИ г. Махачкала
Р/С 40601810100001000001,
БИК 048209001
Назначение платежа:
13500000000000000000130
(л/с 20036Ш60490)

ЗА СТЕНОЙ

В БЫЛЫЕ ВРЕМЕНА В АУЛЕ КУБАЧИ СТОЯЛО ПЯТЬ СТОРОЖИВЫХ БАШЕН. В ВЕРХНЕМ КВАРТАЛЕ – КУНАКЛЯ-КАЛА, АКАЙЛЯ-КАЛА И БАТИРТААА-ЦИ, В СРЕДНЕМ КВАРТАЛЕ – ЦИДЯЛА-КАЛА, А В НИЖНЕМ – ИРГАНА-КАЛА. УВЫ, БОЛЬШИНСТВА ИЗ НИХ УЖЕ НЕТ. ЭТО ПЕЧАЛЬНО...

О ТОМ, ЧТО РАССЛА- ГАЛОСЬ НА КАЖДОМ ИЗ ЭТАЖЕЙ БАШЕН НИКТО НЫНЧЕ НЕ ЗНАЕТ. НО ЕСТЬ ВЕРСИИ. НА НИЖНЕМ ЭТАЖЕ ДЕРЖАЛИ ПЛЕННИКОВ. ВЕЛИ ОНИ СЕБЯ ЗАЧАСТУЮ ДЕРЖА-

НА ВТОРОМ ЭТАЖЕ БАШНИ ВОИНЫ-КУ- БАЧИЦЫ ХРАНИЛИ ЗАПАСЫ ПРОДУКТОВ: ОВОЩИ, ЯЙЦА, СЫР. А ТАК ЖЕ ДРОВА, КОТО- РЫМИ В ХОЛОДА ОНИ ОТАПЛИВАЛИ БАШНЮ. КУБАЧИЦЫ ПРАКТИЧНЫ.

НА ТРЕТЬЕМ И ЧЕТВЕРТОМ ЭТАЖАХ ВОИНЫ ПРО- ВОДИЛИ СВОИ НЕЗА- МЫСЛОВАТЫЙ ДОСУГ: ВЕСЕЛИЛИСЬ, ЕЛИ, СПАЛИ, ТРЕЛИСЬ ВОЗЛЕ ОЧАГА И ДУ- МАЛИ О ПЛЕНЩИНАХ.

НА САМОМ ВЕРХНЕМ ЭТАЖЕ КУБАЧИЦЫ ЗАНИМАЛИСЬ ДЕЛОМ: НЕ СЛИ ДОЗОР, СМОТ- РЕЛИ, НЕ ИДУТ ЛИ В КУБАЧИ ВРАГИ – НАПРИМЕР, МУШКИ ИЗ УРКАРАХА.

СИЗНУ ЗА РЕШЕТКОЙ В ТЕМНИЦЕ СЫРОЙ!

Борис Войцеховский

41 Районы-кварталы, годекан и др.

54 Воскресение

Борис Бергер

Магомед Ахмедов

44 Размышления с Кайсыном Кулиевым

55 Лирика

Саида Мухумаева

Магомед Бисавалиев

48 Тайная тетрадь

56 Дебют

Магомед Мусаев

Журнал зарегистрирован Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № 10-4793 от 23 июля 2002 года.

Перерегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № ФС 77-36557 от 05 июня 2009 года.

Перерегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,

информационных технологий и массовых коммуникаций по Республике Дагестан. Свидетельство ПИ № ТУ05-00346 от 16 сентября 2016 года.

ОГРН 1020502629927

Номер сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан».

Отпечатан в типографии ООО «Издательство «Лотос». Адрес типографии: 367000, РД, г. Махачкала, ул. Петра I, 61.

Подписной индекс:

на год – 63280,
на полугодие – 78434.

Периодичность – ежемесячно

Цена номера в киосках «Дагпечати» – 50 руб., у распространителей – свободная.

Усл. п. л. – 8,5.
Тираж – 1200 экз.
Номер заказа –
Дата выхода –

Тамерлан Магомедов

КАДРЫ РЕШАЮТ. ВСЕ?

Вредакции попросили написать текст о том, какие проблемы особенно остро сегодня стоят в Дагестане и какие меры по их решению нужно будет предпринять новому руководителю республики, чтобы реализовать поставленные ему президентом страны задачи. Проблем, безусловно, по-прежнему много, однако шилом в мозг колет вопрос: а какие из них действительно необходимо решать в текущих реалиях? Размышления об этом приводят к переосмыслению новейшей истории Дагестана, а заодно и цели внешней и внутренней политики России.

Исторический экскурс

Отставку главы республики минувший месяц обсуждали все. От таксистов до журналистов. Ваш покорный слуга и сам выдал несколько аналитических текстов, пытаюсь понять как причины отставки Рамазана Абдулатипова, так и возможную мотивацию Владимира Путина при определении будущего республики. Принято ведь считать, что все глобальные решения в стране принимаются лично президентом и повлиять на их принятие никто не в силах.

Однако нас всех опять обманули, как и наши ожидания. Ровно так же, как и четыре года назад, когда судьбу республики вдруг доверили Рамазану Абдулатипову. В этой связи, считаю, что рассуждать о судьбе республики на ближайшие шесть лет необходимо, возвращаясь к 26 июля 1994 года, когда в республике был создан уникальный орган коллективной государственной власти под названием Государственный совет.

Отбросив славословия тех лет о важности создания такого института власти, в котором были представлены основные народности Дагестана, базисом для размышлений о судьбе республики должно стать признание основополагающим догматом следующее. А именно — создание Госсовета в Дагестане стало унижительной уступкой федерального центра местным этническим

организованным преступным сообществам, которые единственно и были подлинной силой в республике тех лет.

Парадоксально, но именно жесточайшее сопротивление региональных мафиозных группировок послужило основой для возникновения уникальной (пускай и не суверенной) местной демократии. Когда, опираясь собственно на сопротивление со своими оппонентами, Магомедов год за годом добивался от Москвы обреченного согласия продлить его полномочия. Воспринимаясь в те годы в Кремле, а возможно, и являясь по факту наименьшим злом, Магомедов прекрасно улавливал конъюнктуру, не пытаясь изменить криминальную ситуацию в Дагестане, но порой даже опосредованно способствуя ее нагнетанию.

Именно оппоненты Магомедова, предпринимавшие отчаянные попытки его свержения, и убеждали Кремль в том, что сложившаяся в Дагестане политическую систему пока рано менять, в своём роде послужив теми исполинскими слонами, которые двенадцать лет удерживали Магомедова у власти. И тем наглядней резкое изменение политической ситуации на Северном Кавказе и, в частности в Дагестане, после победы центра над экстремизмом. Удачно разыграв силовой сценарий в Чечне, Москва смогла воочию убедиться, что

считаться с кем-либо на Кавказе больше нет никакой необходимости.

Правда, внедряя в жизнь новые тезисы в Москве не спешили, решив действовать подчеркнута дипломатично. Результатом такой дипломатии Кремля и дагестанских мафиозных кланов стал приход к власти первого президента Дагестана Муху Алиева, который смотрелся нейтральной фигурой на общем фоне пассионарных «национальных лидеров». Очевидно, что это и был первый эпизод «ловкости рук» со стороны самого федерального центра. Введён в заблуждение оказался и сам Муху Алиев, ошибочно увлекшийся мессианством на ниве борьбы с «дедовщиной».

Очевидно, Алиев не осознавал, что при формировании своих решений политики не оперируют такими абстрактными категориями, как «справедливость» и «правда». Предоставив введённому в заблуждение Алиеву возможность всласть побороться с бывшими обидами, Москва тем временем вовлекла в свой политический проект по зачистке республики уже и дагестанцев в самой Москве, которые увлечённо занялись отстранением от власти самого Алиева.

Удивительно, но придя к власти благодаря разыгранному в Москве компромиссу большинства дагестанских мафиозных группировок, Магомедсалам Магомедов сумел достаточно успешно этот компромисс оседлать. Не предприняв ничего для разгрома мафиозных структур (хотя бы из мести), но попытавшись, как и отец, опереться на их сопротивление, Магомедов-младший, видимо, этим и вызвал гнев в Москве, где от него наверняка ожидали иной последовательности действий. Правда, политика в нём при этом, очевидно, заметили, дозволив влиться в свои ряды.

Рамазан Абдулатипов, в отличие от Магомедова, ожидания выдвинувшего его центра оправдал, с первых дней (как и Муху Алиев) включившись в борьбу, которая в этот раз получила название «борьба с рабством». Однако запущенный с его приходом процесс уничтожения в республике кланов, в конечном итоге споткнулся об его собственное окружение. Хотя до самого конца сентября казалось, что глава республики

сумел вновь убедить центр в собственной необходимости и, возможно, даже сможет претендовать на второй срок, Москва вновь обыграла всех как с продлением полномочий Абдулатипова, так и с кандидатурами его возможных преемников.

Отставка Абдулатипова ещё раз подчеркнула, что чиновники всех рангов сегодня превращаются в номинальные фигуры. Центр больше не заинтересован в появлении очередных тяжеловесов. А главной причиной неожиданной отставки, наверное, можно назвать то, что Абдулатипов всё заметнее таковым становился. Именно это обстоятельство и можно выделить в качестве главного фактора, который сегодня может привести к отставке (а может, и более серьёзным последствиям) абсолютно любого российского чиновника.

Что же делать?

Решение Владимира Путина отправить в Дагестан Владимира Васильева было в некотором роде предсказано отдельными экспертами, которые высказывались о том, что задержка в назначении нового руководителя региона сделана намеренно для того, чтобы успели проявить себя все заинтересованные политические (или мафиозные) силы. Во многом так и случилось, однако, говоря о причинах задержки, никто не сказал о возможных последствиях. Ведь назначением Васильева центр показал готовность к открытой (ранее многое приписывалось Абдулатипову) зачистке республики.

Соответственно, стоит полагать, что в ближайшее время могут лишиться своих должностей, влияния (а возможно, и свободы) всё ещё уцелевшие лидеры этнических криминальных групп. Вероятно, что уже не помогут ни имевшиеся в прошлом заслуги, ни аргументы о необходимости сохранения статуса отдельных личностей, способных выступать в качестве рычагов противодействия в сложных политических ситуациях. Однако вряд ли это будет болезненно, ведь сегодня уже подобные «лидеры» понимают бесполезность и опасность попыток противодействия.

Складывается впечатление, что Дагестан стал на Северном Кавказе чем-то вроде

опытного полигона, где центр апробировал технологии по бесшумной зачистке криминального поля. Вероятно, что вслед за уничтожением местных криминальных «элит» мы все станем свидетелями поэтапной зачистки бюрократического аппарата, который возглавят назначенцы из Москвы и других регионов России. Естественно, следом начнётся обновление и чиновников низового уровня. И здесь республика неумолимо столкнётся с необходимостью омоложения кадров. Так как квалифицированных специалистов среди ныне работающих чиновников практически нет, их нужно будет быстро выращивать.

Увы, ждать кардинального прорыва не приходится, ведь проповедуемая сегодня в Кремле технократия не отрицает коррупцию как таковую, но даже создаёт для её появления совершенно новые, неожиданные основы. Ярким примером тому служит широко разрекламированный иннополис Сколково, который окружает целый шлейф коррупционных скандалов, — словно в подтверждение старой поговорки, талантливые люди оказались талантливы во всём. Другое дело, что уровень коррупции в Дагестане, возможно, наконец, перестанет кратно превышать общероссийский, о чём открыто говорят отдельные журналисты и эксперты.

Надо понимать, что нашей страной сегодня управляют не утописты-мечтатели, а вполне сознательные люди, которые понимают реальное положение дел. Поэтому предполагаю, что перед новым руководителем республики сегодня не стоит задача свершить чудо. Ему поручено привести республику в божеский вид. А для этого достаточно, чтобы законы Российской Федерации начали исполняться на территории республики хотя бы на две трети. И чтобы откаты с бюджетных средств не превышали одной трети. Даже такой баланс позволит республике сегодня сделать качественный рывок во всех сферах и отраслях. И не столь важно, будут ли это новые мегапроекты типа Каспийского завода листового стекла и Дагагрокомплекса, либо бум предпринимательской активности мелких фермеров и предпринимателей. Главное, чтобы были выстроены понятные и приемлемые прави-

ла игры, когда реальное производство становится рентабельно.

Главной целью руководителя республики сегодня бесспорно должен стать подъём реального производства. И неважно, будет ли это неожиданный проект по выращиванию авокадо в Ногайских степях или современная система логистики для реализации всеми нами любимой левашинской капусты. Китайцы озолотились на шитье поддельных тапочек, американцы в Силиконовой долине наживают миллиарды на торговле идеями. Как показывает практика, любая модель развития может быть эффективна. Главное, чтобы проекты ложились на благодатную почву, были реально (а не по телевидению) поддержаны чиновниками, и не сталкивались с непосильными откатами. Для реализации этой задачи не требуется изобретать велосипед, что, однако, не исключает и создания новой экономической концепции.

Увы, но весь комплекс приоритетных проектов республики, которым руководствовалась республика последние четыре года, ориентирован вовсе не на это. Чиновникам были поставлены задачи лишь по повышению уровня собираемости налоговых сборов, реальные последствия которого для производства, боюсь, никто и не пытался оценить. Смею предположить, что пытаться в четыре руки подоить издыхающую корову — не самый правильный способ повысить надои. Другое дело — создать условия, когда тучные в будущем коровы сами, без понуканий, пойдут на дойку. Вот только для дагестанского бюрократического аппарата это абсолютно новая задача, которая вновь отсылает к необходимости качественного перелома в кадрах.

«Кадры решают всё», — обнадёжил соратников в 1935 году Иосиф Виссарионович, который ещё в 1934 году провёл первый этап зачистки чиновников. Схожим образом выразился в своей первой речи в качестве врио главы республики и Владимир Васильев, сказав дагестанским чиновникам, что в работе будет опираться на них. Для понимающих людей эти слова должны были бы стать сигналом, что пора продавать всю движимость-недвижимость и переезжать в более тёплые места.

Наида Хаспулатова

КАЯКЕНТ: МОРЕ, БАБЫ И ГЕНЕРАЛ

Море, всё время море с полоской берега. Этот чудесный пейзаж сопровождает всех, кто совершает поездку из Махачкалы в Каякентский район по федеральной трассе. Именно вокруг Каякента раскинулись «Золотые пески» — каспийские пляжи с удивительно мелким и нежным песком. По нему ходишь, как по шёлковому ковру, и цвет песка, понятно, ярко-жёлтый. И море ласковое — благодаря подводному рельефу волны здесь меньше, чем в других местах, и ветер не такой постоянный и ожесточённый, как в Махачкале.

Золотые пески

Не воспользоваться таким подарком природы было бы странно. Именно в Каякентском районе расположено известное всей республике курортное местечко «Инчхе». Развивается оно стихийно, но бурно. Буквально за 2–3 года здесь появилось множество гостиниц — на любой вкус и кошелек. Есть приличные современные отели, даже с бассейнами, хотя и на берегу моря. Есть и очень скромные комнатки с удобствами во дворе — разница в сервисе хорошо отражается на цене. В жару здесь всё забито людьми, сейчас, в октябре, пляжный посёлок абсолютно пуст, только в одном доме несколько мужчин возятся с голубями.

Мурад Саидов — владелец небольшой гостиницы, построил дом на берегу моря вначале для себя, для семьи, но два года назад, когда появились желающие, часть дома стал сдавать туристам.

— Инчхе — недорогая зона, при этом здесь чистая хорошая вода, мелкий песок, ухоженный пляж, — загибает пальцы Мурад. — Больше всего отдыхающих из Махачкалы и Каспий-

ска, но в основном дагестанцы, которые на севере работают. Бывают туристы из Чечни, Осетии, Астрахани, иногда и москвичи, но немного. Уже несколько лет подряд приезжают из Москвы и Питера одни и те же люди с аллергией, астмой, псориазом — говорят, Каспийское море им очень помогает. Люди строят, стараются, всё делают, чтобы туристам понравилось. А чем ещё заняться? В жару свободных мест нет, только начинается прохлада — номера пустеют. Всё от погоды только зависит. Обманывают, кто говорит, что дагестанцы не приспособлены работать с

туристами, — у нас всё хорошо получается. Но пока в Инчхе никто на этом не разбогател. Надеемся, отдыхающих станет больше, а мы сможем о них позаботиться. Чем больше туристов, тем всем лучше.

Ворота в лучшую жизнь

Чуть дальше Инчхе открывается любопытная картина: на обочине трассы стоят многочисленные ворота. Просто ворота — без заборов и построек. Огромные и поменьше, полированные или украшенные ажурным литём и позолотой. Это территория села Новые Викри. Именно оно стало «воротной столицей» Дагестана. Раньше, как вы помните, было принято ставить при входе во двор железные ворота весёлых цветов — красные, бирюзовые, жёлтые, с яркой росписью. В новой манере первыми в Дагестане стали работать нововикринские мастера. Нам удалось найти отца-основателя промысла, который кормит почти всё село после развала Советского Союза.

Гаджиакай Арсланбеков окончил волгоградский педагогический институт, работал учителем труда в школе. Первопроходцем и зачинателем «воротной отрасли» стал почти случайно:

— Я всегда любил металлом заниматься, и в институте нас этому учили. Отец пожа-

ловался, что ворота сгнили, я сварил новые, похожие на те, что видел у дорогих особняков в Подмоскowie: тёмные, с золотыми улитками, цветочками, ажурными узорами. Получилось нетрадиционно, люди стали просить сделать им такие же. Так и открыл в 1996 году первый цех.

Почти весь район на воротах зарабатывает — больше работы нет. Сейчас конкуренция сильная, на выживание трудимся. За год 2–3 раза повышается цена на металл. До санкций тонна стоила 28 тысяч рублей, сейчас 46. В месяц 5–6 ворот в моём цеху делаем. Цена от 25 тысяч до 150 тысяч. В Москву на прошлой неделе возил ворота за 140 тысяч. Старший сын тоже решил моим бизнесом заняться в Махачкале, помогаю ему, конечно.

В последнее время, по словам Гаджиакая, больше заказывают прямые ворота без узоров. Вошли в моду полированные. Он считает, что заказчики просто экономят — чем тяжелее, чем больше узоров, тем дороже. Вначале заказывали навороченные. Считает, что дагестанцы слишком увлекаются показной роскошью.

— Это неблагодарный бизнес, — считает Гаджиакай. — Я наравне с рабочими работаю, за 21 год ни разу на отдыхе не был. У меня самого дома недорогие ворота, хотя многие упрекают. А зачем мне роскошь? Я за всё время только одного умного челове-

ка встретил, когда приехал в соседнее село ворота ставить. Он сказал: «Ты мне красивую сторону внутрь сделай, чтобы мне смотреть приятно было». А мы все на публику работаем, это у дагестанцев в крови.

Каякентская баба

Бабу я впервые увидела, когда приехала в Каякентский район. На холме у въезда в древнее село Каякент нас встречает она — древняя скульптура, которой насчитали больше тысячи лет. Двухметровое изваяние явно изображает фигуру человека, только

лицо стёрто, скорее всего, от времени. Между прочим, «баба» означает не женщину, а произошло от тюркского слова «баба» — отец, дед, мужчина, в общем. Директор карнайаульской школы, кандидат исторических наук Камалутдин Камалов, рассказывает:

— Это очень древняя земля, здесь была Кавказская Албания, осталось несколько албанских памятников, потом жили хазары. Эту каменную бабу высекали то ли скифы, то ли половцы — в любом случае в первом тысячелетии нашей эры. Их ставили на возвышенности, в местах поклонения и жертвоприношения, им поклонялись наши предки тюрки. Есть и другая версия, что это пограничные камни, которыми поселение обозначало свою территорию. У нас в районе очень много древних памятников.

Недалеко от каменной бабы мы увидели другое удивительное для Дагестана сооружение — огороженная могила с большим крестом. Оказывается, здесь похоронен Самуэль Георг Готлиб Гмелин — выдающийся учёный Российской Академии наук. Он

организовал первые научные экспедиции в Дагестан, изучал исторические памятники нашего края, особенно Нарын-калу, флору и фауну прибрежных районов Южного Дагестана. Экспедиция Гмелина также совершила ботаническую экскурсию к высочайшим вершинам Южного Дагестана — горам Базар-Дюзи и Шахдаг.

В Дагестане в те годы велись междоусобные войны, но Гмелин, несмотря на это, вновь приезжает с экспедицией. В 1774 году экспедицию захватывает в плен антироссийски настроенный уцмий Кайтагский Эмир-Гамза. Через несколько месяцев Самуэль Гмелин умирает в плену от малярии. Ему было всего лишь 30 лет... Когда экспедицию освободили, учёного решили похоронить в Каякенте. В 1903 году на месте захоронения учёного был воздвигнут надгробный памятник.

Но главным памятником трагически погибшему учёному стало издание его дневников Петербургской Академией наук под названием «Путешествие по России для исследования трёх царств природы (С. Гмелин. 1771–1774)». Он мечтал о том времени, когда представители кавказских народов «придут в святилища муз и принесут из них своим согражданам просвещение. Что кажется теперь сном, сбудется...»

Гроздь цвета ночи

Невероятно огромные грозди чёрного винограда встречают нас около села Башлыкент. Эта ухоженная плантация выделяется на фоне соседних отменным изобилием плодов на лозах. Посреди кустов возвышается серебристое здание — хранилище-холодильник на 150 тонн. Фермерское хозяйство «Байкал» основал в своё время Абдулбасир Кадиев. Название хозяйства никак не связано с известным озером в Сибири — Абдулбасир дал ферме имя любимой собаки. Сейчас он передал хозяйство сыновьям Марату и Мураду. Парней в Каякентском районе увидишь не часто — почти все уехали на заработки на Север России. Мурад решил остаться в родном селе:

— Никто из моих одноклассников в селе не остался. В основном на севере работают

или учатся. Сейчас один одноклассник купил два гектара земли, начал обустраивать теплицы. Пять лет назад около нашего села всё пусто было, сейчас только начали сажать и строить. В последние годы спрос на фрукты и овощи увеличился, мы увидели хорошие деньги и стали развиваться. У нас небольшая ферма: восемь гектаров виноградников и один — черешневого сада. И мы хорошо на ней зарабатываем. Благодаря уходу и капельному орошению урожайность с одного гектара 325 центнеров — в три раза выше средней. Вот сейчас приехали перекупщики, с поля берут виноград по 45 рублей за килограмм, а весной из холодильника мы его продали за 80. А когда хорошая прибыль, работать становится интересно».

Абдула Абдулаев, владелец КФХ «Абдул», постарше юного фермера, и жизнь у него была разнообразней. Успел поработать и на «северах», и в Махачкале на хорошей должности. Заработав, решил вернуться с семьёй на родину. Все заработанные деньги вложил в хозяйство.

— Я работал в Махачкале начальником службы безопасности «Горэлектросетей». Хорошая работа, прибыльная; но надоела и работа, и город, и чужие места. В городе всегда шумно, здесь спокойно, надо просто заниматься землёй. У нас почти вся молодёжь на заработках. Был молодым, заработал, три года назад решил вернуться домой. Здесь ничего не было, я и дорогу построил — ходить не-

возможно было, скважину пробурили, строим теплицу на 50 соток, виноградники посадим в этом году на 9 гектарах. У меня рабочие за день по тысяче рублей зарабатывают.

Я уверен, что правильно сделал, что вернулся сюда и вложил все свои деньги в хозяйство. Если упорно и правильно работать, выгодно иметь свою ферму. Да и детей хочу воспитывать на нашей морали, на наших обычаях.

Последний объект

Детский сад в селении Первомайское симпатичный и разноцветный, как сейчас принято. Он был, несомненно, необходим большому селу. Довольны и дети, и родители. Всё хорошо, за исключением одного — сданный два года назад, он является последним социальным объектом в большом и преуспевающем районе. Сейчас в районе не ведётся никакой бюджетной стройки. А они активно растущему району просто необходимы.

В нововикринской школе учатся в четыре смены. И хотя уроки длятся всего 35 минут с пятиминутными переменами, последняя смена заканчивает занятия в половине девятого вечера. В школе всегда было тесно, ситуация обострилась, когда сборно-щитовой корпус был закрыт по требованию Роспотребнадзора и пожарников — все 650 детей стали учиться в симпатичном кирпичном, но маленьком здании. Эту проблему решают уже 30 лет. Но пока безрезультатно. На

территории школы возвышаются одно полуразрушенное, другое недостроенное здания. Директор школы Чупан Чупанов проводит нас по кладбищу долгостроя:

— Наши дети никогда не видели нормальный спортзал, столовую. Самое обидное, что государство тратит кучу денег, а ничего не достраивается. Один корпус начали строить в 1988 — забросили. Здесь арматура торчит, глубокие подвалы, уже столько детей получало травмы, когда здесь прыгали. Другой корпус начали строить в 2012 году, 20 миллионов израсходовано; установили фундамент и всё — уже три года не финансируют, и кирпич разрушается. Достроят ли, не знаем. У нас большое селение — 4500 жителей. Много цехов камнеобработки, по изготовлению ворот, 500 приезжих работают, налоги платят, и хозяйство одно из лучших в республике, СПК в прошлом году более 10 миллионов налоги заплатила. И при этом такая школа, нет ни одного детсада, хотя больше 400 дошкольников. Почему нам, растущему селу, не помогают, а при этом строят сады школы в умирающих аулах?

Мечты и реальность

Каякентский район всегда отличался повышенной политической активностью, здесь всё время бушевали митинги, очень бурно проходили любые выборы. Одна из главных причин — самая большая проблема Дагестана — земля. В советское время это был виноградарский район, здесь были крупные совхозы. Когда развалился Союз, все совхозы были переданы «Дагвино» и перешли в республиканскую собственность. Жителей района возмущает, что они не могут воспользоваться землёй своего села.

Магомедэмин Гаджиев возглавляет район с 2014 года, при нём митинги прекратились. Почему — мы решили узнать у него. Приходим, а у него посетительница. Взрослая женщина со слезами на глазах жалуется, что она одна вырастила троих детей и не может получить участок под дом там, где хотела бы. Глава обещает разобраться. Женщину, конечно, жалко, но нужны основания для таких просьб. Гаджиев полагает, что многим сложно принять современные реалии, и это очень мешает развитию района:

— Здесь людей в основном беспокоят земельные вопросы. Они не приняли развал Советского Союза, хотят, чтобы государство решало их проблемы. К примеру, эта женщина, она не понимает, что я не могу действовать вне закона.

Что поменялось? Прежде все кому не лень могли проводить свои митинги. Мы создали общественную палату и там обсуждаем все предложения. Если они в рамках закона и реальные, мы их продвигаем.

Когда я пришёл в район, дебиторская задолженность была 93 миллиона. Это значит, что район фактически был банкротом. Мои предшественники легкомысленно влезали в долги. Надо газопровод, водопровод в село провести, отремонтировать отопление в школе, а денег в бюджете нет. Вот они и договаривались с подрядчиками в надежде на то, что республика выделит или свои доходы появятся. В итоге подрядчики подали в суд. Сегодня долг уменьшился до 28 миллионов, при этом поменяли отопление в первомайской школе. Мы стали хорошо собирать налоги, за два года рост в полтора раза.

В своё время район собирал 70–80 тысяч тонн винограда, сегодня — 30 тысяч тонн. Принимают по 20 рублей за кг, а себестоимость 14–15 рублей. Но и себестоимость винограда растёт, как растёт цена на солярку и на химикаты. Говорят, законы рынка. Но всё равно виноградники активно сажают, в этом году площадь под ними увеличится на 300 га.

— Был тут такой депутат Госдумы Балаш Балашов, выходец из Башлыкента, — вспоминает Магомедэмин. — Он привлёк инвесторов на полтора миллиарда рублей на строительство логистического центра в Башлыкенте. Ему выделили в аренду 77 га земли, он привёз специалистов, выкопал фундамент под тепличное хозяйство, гарантировал три сотни рабочих мест, хотел построить овощехранилище и даже Дом культуры отремонтировать. Но появились горлопаны с криками «наши земли забирают». Начались митинги, и чтобы снять социальную напряжённость, землю у него отобрали. Причём в этом же Башлыкенте 20 человек получили 68 га земли недалеко от речки. Пара человек пытается что-то делать на своих участках, остальные же бурьяном поросли, нынешние их хозяева считают, что пусть лучше пустует, чем кто-нибудь на ней заработает. Поэтому я не могу сейчас приглашать инвесторов.

На всех распределить земли невозможно — будет по несколько соток на человека. А эффективных предпринимателей не пускают. Сегодня утром у меня были «возмущённые каякентцы»: им стало известно, что их же односельчане в Минимуществе договорились об аренде земли. Один заявил: «Наши деды

свои земли в колхозы отдавали, почему мы должны сейчас за их аренду платить?» Говорю, что так и до Хазарского каганата дойти можно. В общем, с населением нужно много работать, убеждать его.

Когда я приехал, здесь было 10 га теплиц сейчас — 43 га. Сегодня мы занимаемся отчуждением 50 га у ГУПа на теплицы в Каякенте, 120 человек стоят в очереди, хотят заниматься теплицами, готовы вкладывать собственные средства. Много дальнбойщиков — инициативные предприимчивые люди, живущие своим трудом. Половина населения сёл трудится на выезде, на севере. Летом в отпуск приезжают. Кто-то берёт в аренду землю за пределами республики, мои знакомые на 30 га в Волгоградской области помидоры выращивают. А кто-то здесь. И все потом строят дома, бизнес начинают. Очень трудолюбивые люди. А те, кто не умеет трудиться и зарабатывать, говорят: пусть лучше земля пустует, но это наша земля. Нормально?

Из-за проблем с ГУПами и местным населением крупных инвесторов в район пока пригласить невозможно. Поэтому скоро здесь на берегу моря начнут строить федеральный центр спортивной подготовки. Проект на 2,5 миллиарда: марина с причалами, яхт-клуб. Сначала была договоренность с Министерством спорта России, что объект включают в федеральную программу, — там будет тренироваться сборная России по парусному спорту. Составили проектно-сметную документацию, получили положительное заключение, но из-за кризиса дагестанский яхт-клуб вычеркнули из программы. Сейчас Магомедэмин Гаджиев решил, что надо создавать государственно-частное партнёрство, чтобы частная компания взяла кредит и строила на свой страх и риск. Желающих хватает — три зарубежных инвестора, надо выбрать лучшего. Гаджиев уверен, что благодаря яхтенному центру экономика района поднимется в разы, потому что это налоги, рабочие места, поставки овощей и фруктов.

Результатами своей работы он не совсем доволен, но его радует активность и неравнодушные люди:

— Считаю, любой глава республики должен хоть год поработать главой села —

это гораздо труднее, чем кажется. Живя в городе, я не представлял, сколько здесь подводных течений. Я недоволен своей работой, возможностей изменить ситуацию у главы района совсем немного. Все ГУПы находятся в республиканском подчинении, никакого отношения к нам не имеют. Вот идёт федеральная трасса, республиканская, я не могу привести в порядок прилегающую территорию. Мы пытаемся взаимодействовать с этими структурами, просим, пишем письма. У меня по 131 закону никаких полномочий нет, любой глава села имеет те же полномочия, что и я, напрямую он мне не подчиняется. Когда я сюда пришёл, несколько глав сёл так и заявили, что мне они не подчиняются, и на совещания не приезжали. Я сумел выстроить вертикаль, создал совет глав сельских поселений. Раньше районные сессии проходили как новгородское вече. Объяснил, что нельзя криком решать проблемы. Много сил и энергии ушло, чтобы объединить депутатов и администрацию. У депутатов есть эмоции, пожелания, наказания избирателей, но они не подготовлены, и я к каждой комиссии прикрепил работника администрации, чтобы готовили вопросы перед выносом на сессию.

Депутаты здесь очень активные. Администрация вынуждена считаться с ними, и я думаю, это правильно.

Каякентский район удивительно красивый — море, зелень, эффектные пейзажи, здесь много земли, хороший климат. Главное его достоинство — это люди. Очень активные, предприимчивые, трудолюбивые. Интересные, много видевшие и знающие, со своими собственными взглядами на мир. Весь район как большая стройка домов и теплиц, повсюду видны только что посаженные сады и виноградники. Но жить здесь трудно, вся молодёжь фактически на выезде, потому что нет работы, отсталая социальная сфера. Нормальному развитию постоянно мешают то громоздкие госструктуры, то местные предрассудки, то ещё что-нибудь. Хотя всё преодолимо. Если захотеть.

Андрей Меламедов

ПОДДЕЛКА КАК СИМВОЛ ПРИЗНАНИЯ

Помните, чем заканчивается большинство сказок про героев и красавиц? Когда все чудовища и злодеи побеждены и все принцессы спасены? Конечно же, весёлой свадьбой с кучей гостей, дорогими подарками и изысканными закусками. Ну а после свадьбы муза сказочника, как правило, берёт бессрочный отпуск и удаляется на покой, и нам остаётся только гадать, как сложилась дальнейшая жизнь любимых героев.

Меня же всегда интересовало: чем зарабатывает на жизнь богатырь, который после свадьбы повесил свой славный меч на ковёр в гостиной; где он находит деньги на ремонт обветшавшего замка; как оправдывается перед инспекторами энергетических компаний, собирающими плату за свет, газ и воду. Не ссорится ли со своей погрузневшей и подурневшей принцессой, которая неделями пребывает в тяжёлой депрессии из-за того, что ей пришлось продать очередное кольцо, чтобы собрать старших детей в школу и дать взятку заведующей детским садом, чтобы без очереди устроить в это заведение двух младшеньких.

Несколько лет назад в нашем журнале была опубликована серия статей о двух виноделах — Магди Багамаеве и Сулеймане Сулейманове, которые решили наладить в Дагестане производство лучшего вина в России. История их успеха во многом напоминала сказку. Судите сами: начали с нуля, не имея ни денег, ни земли. На старте у них не было ничего, кроме горячего желания добиться успеха и таланта винодела. Взяли кредит в одном из коммерческих банков и в 2007 году посадили на арендованной земле саженцы, закупленные во Франции. Чуть позже, в 2009 году, взяли в Россельхозбанке ещё 20 миллио-

нов рублей. Восстановили старый разрушенный винзавод и бывшее фруктохранилище, в котором установили холодильное оборудование. Закупили и смонтировали современную импортную линию розлива на 7 видов бутылок, производительностью две тысячи бутылок в час, приобрели девятьсот 225-литровых бочек из французского дуба и стали ждать первого урожая, ежемесячно ломая голову над тем, где найти денег для выплаты процентов по кредиту.

В 2011 году главная мечта Магди и Сулеймана стала реальностью. Впервые в истории отечественного виноделия российское предприятие допустили к участию в самой престижной в мире выставке вин и коньяков в Бордо. Начиная со времён развитого социализма, на эту выставку пытались попасть самые именитые предприятия СССР. Но не преуспели. Жёсткий отборочный конкурс впоследствии не смогли пройти и винзаводы постперестроечной России. А продукцию ООО «Кристалл-Каспий» (именно так назвали свою компанию Сулейман и Магди) не только сразу же допустили на выставку, но и признали одной из лучших в мире — их мерло завоевало серебряную медаль. Случай во многом уникальный — ни до, ни после этого дебютант в Бордо не

только не получал медалей, но даже не мог попасть в пятёрку лучших (виноделов во всём мире очень консервативны).

Написав об успехе двух друзей, мы, признаться, решили поставить в этой истории жирную точку. По законам жанра у всех сказочных историй должен быть счастливый конец, а серебряная медаль за вино первого урожая

и после каждого изменения нам приходилось готовить новый пакет документов.

Но и с получением лицензии проблемы не кончились — нам два раза приостанавливали её действие. Один раз в справку банка вкралась ошибка, что мы не доплатили пятьдесят копеек

в данном случае ничуть не ниже свадьбы в рейтинге житейских событий.

Но прошло шесть лет, и нам стало любопытно, что происходит после того, как сказка становится былью. На днях корреспондент журнала «Дагестан» после долгого перерыва вновь выехал в Сергокалинский район, в котором «прописано» ООО «Кристалл-Каспий». Итогом поездки и стало это интервью генерального директора Сулеймана Сулейманова.

— Соглашусь с вами в том, что на первом этапе наша история во многом напоминала сказку со счастливым концом. Но потом начались будни, в которых счастливых моментов было уже намного меньше. Начнём с того, что с момента получения первого вина и до попадания его в торговую сеть ушло три года. Всё это время мы готовили необходимые документы, дающие нам право на розлив и получение акцизных марок. Дело в том, что за эти три года законодательство в области виноделия несколько раз менялось,

налогов, второй раз к нам придрались из-за анонимного заявления несуществующего жителя Воронежа. В первом случае нас снова заставили готовить весь пакет документов (такие правила действуют в стране), во втором — дело дошло до суда, где нам пришлось доказывать, что сведения, изложенные в заявлении, не соответствуют действительности. Суд мы выиграли достаточно легко, но в итоге из-за этих двух случаев мы почти год не поставляли свою продукцию в торговые сети. С учётом бешеной конкуренции в нашем деле получилось, что нам чуть ли не три раза пришлось начинать практически с нуля. А это, скажу вам, дело очень непростое.

— С какими торговыми сетями вы сотрудничаете сегодня?

— Первая сеть, в которой начали продавать наше вино, — «Красное и белое». Это был очень ценный опыт, мы познакомились с правилами игры на рынке алкоголя. Не скажу, что правила эти нам очень понравились, но поскольку речь шла о реальности, в

которой нам предстояло жить, потихоньку начали корректировать свою работу, чтобы соответствовать запросам сетей. Сейчас мы сотрудничаем с «Пятёрочкой», «Русалко», «Тэфи», «Люксалко», компанией «Винлэнд». По заказу последней мы разработали «восточную линейку» вин. Специально для них выпускаем вина с экзотическими названиями типа «Караван-сарай», «Шабнам», «Гюнешим», «Айла», «Шекер-базар». Маркетологи «Винлэнда» считают, что это позволит увеличить продажи, поскольку восточная тема сегодня в тренде.

Недавно начали работать с компанией «Содружество» из Екатеринбурга. Для неё тоже готовим новую линейку вин с учётом специфики региона и запросов покупателей. В конце прошлого года впервые занялись экспортными поставками — отправили 100 тысяч бутылок в Китай. Партия продана очень хорошо, надеемся, что сотрудничество с китайскими партнёрами будет продолжено.

— Как я понял, сети пытаются активно влиять на производственный процесс?

— Естественно. Они регулярно занимаются мониторингом рынка, отслеживают запросы покупателей и предпринимают шаги для того, чтобы эти запросы удовлетворить. Мы уже привыкли к тому, что некоторые сети, готовые торговать нашим вином, предлагают нам свои варианты названий, дизайна этикеток. Это как раз положительный момент.

— Наверняка есть и моменты отрицательные. Многие сельхозпроизводители России жалуются на то, что представители торговых сетей заставляют аграриев сдавать свою продукцию чуть ли не по себестоимости, чтобы впоследствии продавать её практически с 200-процентной накруткой. На рынке вина такая же ситуация?

— Большой вопрос. Смотрите, ординарное вино мы отдаём по 100 рублей за бутылку, марочное — за 160. При этом стоимость комплектующих составляет около 70 рублей. За последние полтора–два года стоимость бутылок, пробок, этикеток увеличилась на 100%. Вдвое выросли и акцизы на алкоголь. Но это ещё цветочки: за этот же период цена ядохимикатов выросла в 4–5 раз. Простой пример. Сегодня площадь наших виноградников составляет 110 гектаров. Одна обработка этого участка обходится нам в 700–800 тысяч рублей.

Идём дальше. Все комплектующие нам отпускают только после предоплаты, никаких поставок в кредит. Сети же работают с нами по такой схеме: деньги за закупленную у нас продукцию на наши счета поступают только через 60 дней после отгрузки. При этом почти половина наших партнёров постоянно затягивает сроки оплаты. И с этим в принципе можно было бы смириться, если бы не одно обстоятельство. Дело в том, что плату за акцизы и НДС мы должны осуществить не позднее, чем через 25 дней после отгрузки продукции. Получается, что мы все платежи осуществляем авансом, а сами отпускаем товар в кредит. Для крупных винзаводов, которые отгружают продукцию ежедневно, такая схема вполне приемлема. А для предприятий вроде нашего — это финансовый тупик, поскольку очень трудно аккумулировать средства для дальнейшего развития.

Добавьте сюда ещё расходы на работу системы ЕГАИС, позволяющую государству осуществлять контроль за процессом производства алкоголя. По закону все расходы в этом вопросе ложатся на производителя. А они, признаться, достаточно высоки. Два счётчика по 800 тыс. рублей, щит, на который поступают данные, это ещё 400 тыс. рублей. Пять компьютеров с программами, каждый из которых обошёлся нам от 100 до 150 тыс. рублей. Кроме того, за обслуживание этих компьютеров мы ежемесячно платим по 40 тыс. рублей. Так что нам совсем не до жиру.

— **Судейман, вы озвучили оптовые цены вашей продукции. А сколько стоит ваше вино в магазинах?**

— От 200 до 350 рублей. Естественно, в Махачкале цены немного ниже, а в Москве немного выше, но в целом картина такая.

— **Получается, что львиная доля прибыли в итоге достаётся сетям, производителю же остаются буквально крохи.**

— Всё правильно. Прибыль предприятия с одной бутылки составляет от 5 до 10 рублей, так что выжить можно только за счёт увеличения объёма поставок. К счастью, этот показатель у нас постоянно растёт. В прошлом году, к примеру, мы отгрузили в торговую сеть около миллиона бутылок вина, оборот продукции впервые превысил 100 млн рублей. Это пока наш рекорд.

— **А сколько вы заплатили налогов?**

— 29 миллионов рублей. Это тоже наш собственный «рекорд».

— **Вы по-прежнему выплачиваете кредит Россельхозбанку?**

— В этом году наконец заплатили последний взнос и сняли с себя этот груз. Реши-

ли для себя, что это наш последний кредит, больше в долговую яму лезть не собираемся. Очень трудно ежемесячно вытаскивать из оборота несколько сот тысяч рублей для выплат банку. И обидно, если честно. За эти восемь лет мы не только вернули банку 20 млн рублей, но и заплатили ещё около 24 «процентных» миллионов. А если бы нам не субсидировали часть процентной ставки, сумма была бы в полтора раза выше.

— **Зато теперь вздохнёте спокойно и сможете направить эти деньги на развитие. Что у вас в ближайших планах? Будете увеличивать площади своих виноградников?**

— Первоначально мы думали о новых посадках, но теперь от этих планов отказались. Сегодня с учётом финансовой ситуации в стране это дело весьма затратное, мы просто не потянем. С другой стороны нам вполне хватает наших 110 гектаров для бесперебойной работы винзавода. На сегодняшний день у нас, к примеру, имеется запас виноматериалов, позволяющий выпустить около 2 млн бутылок вина. Только в бочках из французского дуба у нас хранится более

200 тысяч литров элитного вина, закладки 2011–2015 годов.

Другое дело – работа по увеличению урожайности наших плантаций. Тут огромный нереализованный потенциал. Французская лоза в идеале может давать по 250 центнеров винограда с гектара. Мы же в этом году собрали с каждого гектара примерно по 55 центнеров. Всему виной слишком жаркое лето и малое количество осадков.

— **Насколько я помню, французы, поставившие вам саженцы для посадок, уверяли вас, что этот виноград поливать не надо. Даже при малом количестве дождей лоза, корни которой проникают в почву на глубину более 10 метров, способна самостоятельно добывать влагу из почвы.**

— В Европе этот виноград и не поливают — незачем. Но там в год в среднем выпадает примерно 500 мм осадков, тогда как у нас в этом году было всего 120 мм. Чувствуете разницу? Поэтому мы с Магди решили организовать на наших виноградниках капельное орошение. Радует, что нам пообещал всемерную помощь в этом вопросе ди-

ректор ФГБУ «Минмелиоводхоз» Залкип Курбанов. Так что начало положено. В дальнейшем планируем заключить договор с одной из известных израильских фирм. Дело, конечно, затратное, сегодня организация капельного орошения на одном гектаре обходится примерно в \$2200. Таким образом, нам на наши 100 га необходимо примерно 15 млн рублей.

Сразу найти эти средства нереально, будем вкладываться по частям, по мере возможностей. С учётом того, что мы, наконец, расплатились с банком, возможностей у нас, уверен, будет больше. Тем более что в винзавод сегодня вкладываться уже не надо, существующих мощностей вполне хватает. Обратили внимание, что в цехе розлива рядом с первой линией появилась вторая?

— **Обратил, конечно. Тоже французская?**

— Итальянская, её производительность в три раза выше, чем у первой — 6 тысяч бутылок в час. Этого вполне хватает при наших объёмах продаж. Так что теперь вкладываться будем в основном в виноградники. Собственно, мы этим занимались и раньше, теперь же это станет нашим приоритетом. Будем пытаться потихоньку выйти на европейский уровень в работе с лозой. Кое-что в этом плане уже сделано. К примеру, мы закупили во Франции «умный» культиватор для вспашки междурядий и междустовой обработки. Этой осенью мы его испытаем, ну а весной уже будем использовать максимально активно.

Кроме того, закупили несколько комплектов для автоматической обрезки и подвязки лозы. Это что-то вроде небольшого пистолета, подключенного к аккумулятору, висящему на поясе работника. Прикоснулся «стволом» к нужной точке, нажал на кнопку, и всё — лоза привязана к проволоке тонкой полоской пластика. Заменял насадку — и у тебя в руках чудо-ножницы, в несколько раз ускоряющие обрезку. За день один работник способен подвязать виноград на 3 гектарах. Для сравнения: вручную лучшие виноградари могут подвязать примерно 15 рядов винограда, это где-то треть гектара.

Так что производительность на этих операциях у нас вырастет чуть ли не в девять раз. А это позволит нам сохранить немалые деньги, поскольку число работников сократится в три-четыре раза. Экономия будет реальная: сегодня каждому рабочему мы платим около 800 рублей в день.

— **Вы по-прежнему бесплатно кормите своих рабочих в заводской столовой, построенной накануне пуска винзавода?**

— Да, кормим. Только той первой столовой давно уже нет, в 2011 году её сожгли бовики, «навестившие» наше предприятие в новогоднюю ночь. Тогда же они взорвали один из цехов (с него полностью сорвало крышу) и подорвали ёмкость с виноматериалами. Так что столовая теперь у нас новая, а о том печальном эпизоде напоминают только следы осколков на ёмкостях с виноматериалами.

— **«Кристалл—Каспий» сегодня один из самых успешных производителей вина в республике. Ваша продукция хорошо известна на российском рынке. Достаточно заглянуть в интернет, чтобы увидеть сотни восторженных отзывов покупателей. Для меня всё это показатель несомненного успеха проекта, начатого десять лет назад. А что лично вы считаете главными достижениями за все эти годы?**

— Я не буду снова говорить об объёмах продаж. Это, безусловно, очень важно, но сейчас я хочу сказать другое. Может, это будет немного не в тему, но вы, уверен, меня поймёте. Смотрите, за последние два года мы пресекли две попытки серьёзных производителей наладить массовый выпуск вина под маркой «Шато Дарго».

— **Если твою продукцию начали подделывать, то это очень хорошая продукция, пользующаяся устойчивым спросом.**

— Именно. Идём дальше. Некоторые производители (названий этих фирм я по целому ряду причин озвучивать не хочу) начали выпускать вина, названия которых совпадают с названиями наших. При этом этикетки этих вин до боли напоминают наши, различия можно обнаружить только при тщательном осмотре.

Если набрать в различных поисковых системах «вина «Шато Дарго»», сразу начинают вылазить «левые» ссылки. Типа «Шато Дарго» — вина Кубани с доставкой». По-моему, это признание.

— **Безусловно.**

— Кроме того, в последние месяцы в республике стали распространяться слухи о нашем скором банкротстве, о том, что предприятие находится на грани закрытия. Заметьте, всё это происходит на фоне роста продаж. Для меня лично это — замечательный маркер. Если тебе завидуют, если ты кому-то мешаешь, если, наконец, твою продукцию начинают подделывать, ты на правильном пути. Надо просто идти дальше, не обращая внимания на всевозможные слухи. Делать своё дело. Чем мы с Магди и занимаемся каждый день.

Чрезмерное употребление алкоголя вредит вашему здоровью

Зачем человеку Наташа Ростова, почему хорошо быть невеждой, переварит ли Кавказ авторское кино, а также о том, что любви всегда мало, слова бедны, а зритель порой неблагодарен, — Светлана Анохина поговорила с выпускником мастерской Александра Сокурова, автором фильма «Хамса», вошедшим в конкурсную программу Московского международного кинофестиваля 2017 года, молодым режиссёром Гаджимурадом Эфендиевым.

ТАКОЕ КИНО

О личной свободе и личной драме

— Насколько я помню, ты о режиссуре и не помышлял, а, как и полагается правильному дагестанцу, выбрал правильную профессию.

— Со спортом не получилось, у меня была травма глаза в детстве, а так была надежда, что я как раз пойду по супердагестанскому пути. Это ведь на данный момент в Дагестане единственный путь, благодаря которому можно «выбиться в люди». Но это уже к вопросу, что культивируется в республике. Культивируя, например, образование и культуру, мы бы получили огромное количество молодёжи, мечтающей о чём-то, кроме того, чтобы стать спортсменами, юристами, и бизнесменами. Ну а у меня сначала была школа, а в 2006 я поступил в Российский государственный экономический университет им. Герцена. Меня собирались устроить в УБЭП.

— **Чтобы корочка, пистолет и карьерный рост?**

— Да-да, всё как надо. Но на 4 курсе я стал работать в американской организации IREX в Нальчике — ассистентом психолога. Мы работали с детьми, которые пережили войну и потеряли родителей. Параллельно я учился на экономиста, которым быть не хотел.

Я очень мало читал и, разумеется, ничего не знал про кино. То есть смотрел запоем,

но плохое коммерческое кино, голливудское. Бывало, всё лето проводил дома за просмотром фильмов — в соседнем видеопрокате меня уже знали и делали даже скидки, я брал огромное количество кассет. Авторское кино мне было неинтересно, но никто мне его и не прививал, не советовал.

— **Ну короче, нормальный, порядочный дагестанский мальчик.**

— Овощ.

— **Тебя попутали интеллектуалы, богема и прочая гадость, и ты пошёл по наклонной...**

— Так и есть! А началось всё с социальных роликов. У нас была директриса, которая и организовала 3-летнюю программу в Нальчике. Я начал снимать небольшие социальные ролики.

Не знаю, откуда появилось это желание, я никогда не был связан ни с кино, ни с чем-то подобным. Видимо, что-то творческое спало, и стало просыпаться, как только я стал более-менее самостоятельным, начал жить вне дома, выбрался из зоны комфорта. Я не мог это никуда направить, может, не было людей рядом нужных, или пинка. И тут от нашей директрисы узнал, что есть такой режиссер Александр Сокуров и что он открывает тут мастерскую.

— **И с какой надеждой ты туда пошёл? Что научишься делать хорошие социальные ролики?**

— Нет, с надеждой, что я уеду из Дагестана, как бы это печально ни звучало. Мне всегда казалось, что где-то там лучше, мне нужна была личная свобода. Или даже личная драма. При всей моей любви (я бы сказал «еврейской любви к семье», хотя мы лакцы) я всегда хотел уехать и попробовать себя где-то далеко. Единственное, что держало, я ещё не окончил университет, и не мог пока найти подходящую работу. А амбиции у меня были совершенно дагестанские — подходящая работа, в первую очередь, работа престижная. Что и мешало мне бросить всё и работать где-нибудь на заправке. Хотя это тоже уважаемая профессия...

— Давай не станем притворяться, что сильно уважаем работу заправщика.

— Я уважаю на самом деле. Любую работу уважаю.

— Врёшь.

— Не вру. Вот смотри, мне 5 лет, я просыпаюсь в 5 утра и вместе с мамой иду подметать парк, наш городской парк. Она учительница начальных классов, но в то время, а это 1995–1996 годы, у нас были проблемы с деньгами, нужно было выживать. И мама нашла себе такую подработку. В 8 часов мы шли пешком до Редукторного с южной автостанции в мамину школу, а вечерами работали в пекарне. Работала мама, а я её сопровождал. Мы были вдвоём, с отцом не жили, а просить помощи у родственников она не хотела и долгие годы работала на

трёх работах. В общем, делала всё сама для своего сына. Я вообще считаю, что она подарила мне эту жизнь.

А в рюкзаке шорты, футболка и сланцы

— А я полагала, что ты типичный мажор. Надо же. Удивительно, что ты при этом сумел уехать.

— У меня либеральная мама, она меня не держала. Понимала, что мне тяжело, здесь себя я найти не могу. И когда я собрал рюкзак, меня никто не останавливал, семья меня поддержала. Но сначала был Нальчик, и мастерская. Сокурова туда зазвал Альберт Саралып, он был советником президента Кабардино-Балкарии, если не ошибаюсь. Они с дирижёром Юрием Темиркановым уговорили Александра Николаевича приехать и открыть свой курс на базе Кабардино-Балкарского университета. Я тут же подал туда документы и поехал обратно в Махачкалу. Жду. В один из дней звоню другу, он как раз работал в университете, говорю: «Слушай, мне никто не перезвонил, я не поступил, наверное, да? Или меня даже не рассматривают?». Он говорит: «Подожди, я тебе сейчас перезвоню». Через минут семь перезванивает: «У тебя завтра экзамены». Думаю: «Так, мне часов 7–8 на автобусе, успею, если выйду прямо сейчас». Схватил рюкзак и поехал. А в рюкзаке шорты, футболка и сланцы — примерно так я себе представлял сдачу экзамена одному из лучших режиссёров России. Кстати, я тогда и понятия не имел, что Александр Николаевич входит в сотню лучших режиссёров мира, да и о его творчестве не знал ничего, мне было важно выбраться из Дагестана.

— А тут всё должно быть, как в кино: ты такой приходишь, знаниями, обаянием и талантом всех покоряешь. Соперники — в ауте, Сокуров жмёт тебе руку, а ты, зарумянившись, говоришь, что в Дагестане все такие.

— Если бы! Но всё случилось не так. У нас было, как во ВГИКе, — экзамен, состоящий из

трёх туров. Первый тур — профильные предметы. Второй — творческий, мы писали 6-часовую работу на три разные темы: первая «письмо матери», вторая «я и мой враг» и третья «я бегу». В третьем туре нужно было показать свои актёрско-режиссёрские данные. И последним шло собеседование с Александром Николаевичем. В зале сидели ещё люди, элита Кабардино-Балкарии, о которой я никогда не слышал, а он проверял наш культурный уровень. Показывал картины, задавал вопросы по разным произведениям. Я лоханулся везде, и так стыдно мне, наверное, ещё никогда не было. Мне показали картину Айвазовского «Девятый вал», я сказал, не знаю, кто её написал, как она называется, я не знаю ничего, но могу составить характеристику как ассистент психолога. Это интересно, сказал Сокуров, давай. Второй вопрос был насчёт картины, где изображён Александр II, если не ошибаюсь. Потом включили отрывок из Шостаковича и показали сцену из фильма «Унесённые ветром». Я лоханулся везде. Единственный вопрос, на который я ответил, это «кто такая Наташа Ростова?». Я пришёл нулевым, я был как чистый лист. И он меня взял. Может, потому, что набирал интернациональную группу, и я единственный был из Дагестана.

— Или потому, что чистый лист и нужен был. Чтобы не переправлять, не перечёркивать. Кстати, как я помню, тебе ещё раз пригодилось твоё «дагестанство».

— Да, в 2015 году. Я прошёл отбор в одну международную организацию, она начала свою работу в период чеченской войны. Набрали трёх ребят русских, троих чеченцев и увезли в Италию.

Им дали возможность жить там в течение 2–3 лет, заниматься тем, что их интересует, проходить практику в любой организации на территории Италии, и стипендию ещё платили. Сама организация находится в городе Ареццо — там что-то вроде деревни, озеро, возле него 3–4 дома. Персонал, психологи приезжают утром и уезжают в 18:00. Всё остальное время — это дом студентов. Единственное, что от них требовалось, жить вместе и говорить о конфликте между своими странами и народами. Ну иногда выступать перед итальянскими школьниками, рассказывать о себе, о конфликте и о том, как преодолеть взаимную враждебность.

— Ух ты, как круто! Это же потрясающий опыт, слушай! И что там с чеченцами и русскими произошло?

— В один из дней работники офиса звонят президенту организации Франко Вакари, говорят: у нас проблема, чеченцы хотят уехать. Президент приехал, спрашивает: в чём дело, чего вам не хватает? Они отвечают: не хотим стирать наши трусы-майки в той же машинке, что и русские. Наверное, сказать они хотели другое, мол, не хотим жить с русскими ребятами, когда у нас война и люди друг друга убивают и режут. Но заговорили о белье, о таком же близком к коже. Потом они отказались хранить еду в общем холодильнике, и двое чеченских ребят уехали. Отказались от всего и уехали. На их место взяли других. И мне повезло попасть туда, меня взяли как дагестанца. Они не знали ещё, что такое Дагестан, думали, что у нас конфликт с Россией. Я им сказал, что единственный мой конфликт, — это недостаток образования и закрытость Дагестана.

— Дагестан не подходит для таких экспериментов, нас тут много разных, и мы уживаемся, хотя ненавидим порой друг друга. Я бы дагестанцев вообще не брала.

— Ну вот они взяли двоих, сначала Патю Муртазалиеву, а потом через год меня, и на этом всё. Тишина. В этом году с Северного Кавказа никого не брали, сместили фокус на африканские страны. Так что я чудом успел. Два года жил вместе с парнем из Судана, работал со школьниками, с детьми. Занимался саморазвитием. Пытался закрыть пробелы в образовании, стал изучать итальянский, английский. Учился в частной флорентийской школе профессиональных фотографов и режиссёров. Там стал работать с плёнкой, ушёл в этот

процесс и почти забыл, что я режиссёр. А проект разросся, теперь там набирается 15 студентов со всего мира — Сербия, Босния, Америка, Судан, Палестина, Израиль, Абхазия, Грузия, Азербайджан, Армения. Из 170 студентов 150 человек получили Золотую Ласточку. Этот знак выдаётся после окончания 2-летней программы. А ребята из первых наборов основали Лигу, она позволяет сотрудничать на расстоянии. Допустим, ты хочешь начать активистское движение у себя на родине. Например, связанное с урегулированием конфликтов или международным образованием. Связываешься с ребятами из разных стран, то есть с «Золотыми Ласточками», и кто-то отвечает, мол, у нас есть бюджет, мы можем вылететь и организовать это у тебя на родине. Такая маленькая семья в 170 человек.

Чем кормить Кавказ

— Я вот что хотела сказать, Сокуров же очень особенный режиссёр. Мне кажется, для Кавказа больше бы подошёл Кустурица. Это тот язык, на котором мы могли бы рассказать о том безобразии, что нас окружает.

— Не думаешь, что получилось бы такое грузинское кино, спекулятивное и стереотипное немножко?

— Грузинское кино — это прекрасно. Они умеют смотреть на ужас легко, и так это подать, что это становится мифотворчеством. Сокуров же серьёзен, он экзистенциальный режиссёр, вглядывается вглубь человека, и мне кажется, Кавказ, заточенный под упрощённую схему, где есть герой, и есть негодяй, такое не переварит.

— Тут не важно, что примет Кавказ. Да к тому же Сокуров запрещал нам смотреть его фильмы, не хотел делать из нас подражателей, которые станут снимать то, что снимает Сокуров. Хотел, чтоб у каждого из нас прорезалось собственное видение, свой голос. Может, именно такое и необходимо нам, мы ведь очень закрытое общество. Может, тут нужен именно метод шока, нужен какой-то катализатор, чтоб общество раз — и проснулось. Но на родине от нас ждут, что мы будем снимать восхваляющее, патриотическое, либо о наших трагедиях, которыми мы пропитаны. Кавказская война, история имама Шамиля, которая очень важна для Дагестана–Чечни. Сняли уже огромное количество

имама Шамиля, и всё время кто-то требует продолжения. Может, достаточно? Может, пора двигаться дальше? Не призываю забыть наше прошлое, но и сидеть на нём бесконечно нецелесообразно, как минимум. Может, пора идти дальше, взглянуть на наши семьи, на отношения между братом и сестрой, между отцом и сыном, матерью и дочерью, например? И так важно, что именно Александр Сокуров оказался на Северном Кавказе. Может быть, результаты проявятся не сразу, может быть, даже не через пять лет, но проявятся непременно.

— **Давай о твоём фильме поговорим, о «Хамсе». Он произвёл на меня странное впечатление.**

— Сначала я собирался снимать совсем другую историю. Тоже короткий метр. О семейной паре, живущей в горном селе, в Дагестане. Муж кузнец, жена бывший преподаватель истории, парализована уже 5 лет. Мне было важно показать ту любовь, которую в Дагестане не встретишь. Любовь какого-то другого уровня, когда не боишься показать, что любишь. У меня там была сцена, где муж на руках выносит жену за село, на холмик, показать ей, как красив сегодня закат. Но основной конфликт не в том. Она перед смертью берёт с мужа обещание сделать то, что невозможно для человека, живущего в рамках традиций. И вот на этом строилась история — мужчина из-за обещания любимой жене должен пойти против правил, законов, общества, села и так далее. Вопрос в том, готов ли мужчина, дагестанец пойти на такую жертву ради любимого человека. Это было для меня важно.

— **А почему ты такую историю придумал? Как они вообще придумываются?**

— Поверишь, если скажу, что иногда мне снится что-то? Вот иногда мне снятся какие-то сцены, какие-то разговоры людей, часто сны у меня сбываются — не знаю, по какой причине. Я узнаю об этом со временем. Сначала я вижу сон, потом проходит год-два, и я понимаю — вот, это сбылось.

— **Слушай, ну получается, что оба фильма: и тот, что не осуществился, и «Хамса» — оба о любви и о том, что она требует.**

— Да. Это вообще была задача Александра Николаевича, чтобы не выдумывать, а рассказывать максимально реальные истории, которые связаны с нашими семьями, с любимыми людьми, с нашим народом. И в обеих историях есть главные пункты: выбор, жертва, смерть. Может,

это связано с детством, когда я видел, что люди не готовы на какие-то серьёзные шаги, на жертвы ради любимого человека. Может, с тем, что я видел, живя здесь, в Дагестане. Может, по своей семье сужу, по отцу, которому в сложный период никто из его семьи не помог. Оставили практически одного с его бедой.

— **В одной твоей истории муж несёт жену через всё село на руках, в другой — сын моет ноги матери. И там, и там — прикосновения, без всякой чувственности, но очень интимные.**

— А как показать любовь, если не тактильно? Это ведь не литература, где ты можешь объяснить всё в 300–400 страницах. Это короткометражка, минимум слов, кроме образов у тебя ничего нет. Можно придумать огромное количество разных ходов, а можно дать одну маленькую сцену, и всё становится понятно. Изначально у меня был диалог между сыном и матерью, была раскадровка. Крупный план лица матери, сына, руки, дерево за окном. Как-то всё стандартно и не слишком тепло. А мне нужно было, чтоб было очень тепло.

— **Поэтому Иса доливает в тазик воды горячей, причём так по-домашнему, кружкой.**

— Да! Нужны были действия, образ, который бы сработал на идею. Иногда я пытаюсь показать вещи, которые бы хотел видеть в обществе. Я хочу, чтоб это было нормально, чтоб никогда не возникало вопроса: помыть ноги матери? а зачем?

— **Многие из наших мужчин легко бы помыли, особенно если больше некому.**

— А если жене? Ты думаешь, это нормально в нашем обществе??

— **И жене тоже. Думаю, ты недооцениваешь Дагестан. Тут у нас количество зверства и нежности примерно равное. Просто зверство яркое, а нежность прячут.**

— Может, мне не хватает этого тепла. Или я мало знаю о Дагестане. Просто я был слишком молод, когда жил там, в молодости такие вещи воспринимаешь очень остро.

Время женщин

— **Почему ты дал своему фильму такое название, и какие смыслы тебя так привлекли?**

— Хамса переводится с арабского как пять, и в фильме пять персонажей. Тут очень важен контекст. В 2005 году, 13 октября на Нальчик напали. Все нападавшие были свои. Ребята, которые выросли в этом

городе, жили там. Около 50 человек было убито, какое-то число захвачено полицией, это был самый долгий судебный процесс в истории судебных процессов в России. Девять лет они ждали приговора. Я ничего об этой истории не знал, она для меня началась в 2013 году, когда я приехал в Нальчик. О ней я снял одну из первых короткометражек, это был эксперимент сращения игрового и документального кино. В первой части история одной конкретной семьи, мама и сестра, которые предчувствуют какую-то беду. Вторая часть начинается с документальных кадров. Молодой парень вышел в город с камерой, не побоялся и снимал всё, что мог. Он погиб, был застрелен. А камера продолжала снимать ещё 8 минут после его смерти. Эти кадры я и использовал. Фильм был снят, но история меня не отпускала. «Хамса» — что-то вроде продолжения, фантазия на тему, что было бы, если бы один из напавших на Нальчик вернулся домой. Простили бы его, простил бы он сам себя, простила бы его жена, которая ожидала его все эти 9 лет дома с больной матерью, простил бы его отец друга, который погиб в этот день? Для съёмки я выбрал Тырнауз. Я его показываю заброшенным, но так нужно было, а так-то город крутой, мне очень понравился.

— **Заключительные кадры печальные. Отец друга старательно, в несколько оборотов закручивает проволоку, запирая ворота кладбища, где остаётся герой. И жена от него всё же ушла.**

— Я боюсь хэппи-эндов, они кажутся мне нечестными.

Их, конечно, можно показывать тонко, но пока я не умею это делать. Жена ушла, да, но для меня

было важно, что он сам её отпустил. Она ему говорит: «Понимаешь, Иса, все эти годы мы здесь были семьёй террориста. Ты там хоть и сидел в тюрьме, но со своими, а мы были на воле, но будто с тобой в тюрьме. Я прошу меня отпустить, просто по-человечески отпустить, потому что я себя чувствую вдовой». Она проговаривает: «Я тебя не чувствую, я как женщина, как жена твоя, не чувствую тебя больше». И он ей говорит: «Меня так часто в жизни осуждали, и не понимали; ты не птица в клетке, и я не могу тебя удержать». Мне было важно, что мужчина признаёт свою вину, проговаривает это.

— **И всё равно твой Иса — лишь способ показать всех остальных. А главные герои — мать и жена.**

— Может, потому что я видел труд и жертвы моей матери? Я считаю, что женский характер сильнее. Женщина может пойти на жертву, на которую мужчина побоится пойти. Не забывай, на какой период пришлось моё взросление: вокруг убивали, взрывали, стреляли; нам, пацанам, доводилось видеть и убитых, и искалеченных людей. После теракта в Каспийске моих соседей — двух братьев, привезли домой с оторванными ногами, мёртвых. И вот когда мужчины играли в эти игры, в вопросы чести, в восстания и бегали с автоматами и кинжалами, кому-то нужно было сохранять этот мир. Именно женщины всё сохранили и пронесли через все войны. На них мужчины сбрасывали ответственность. Они отвечали за свою смерть. А женщины отвечали за жизни всех. Поэтому мне они понятнее и интереснее.

— Любопытно, что вы с Кантемиром Бадаговым в качестве главных героев выбрали женщин. «Теснота» мне, кстати, не понравилась. Но то, что предьявляют Кантемиру кабардинцы, — запредельно. Причиной непонятая сокуровская манера или что-то ещё?

— Те вопросы, которыми задаётся Кантемир, по большому счёту сокуровские, вопросы нашей мастерской. Но стиль полностью Кантемира, ему изначально были близки режиссёры французской волны, скорее, братья Дарнени или Годар. Это такие режиссёры, обласканные каннским фестивалем. А вся волна возмущений началась всё же не с самого фильма, а с интервью (что много говорит о нашем обществе). Точнее, с вырванных из контекста слов Кантемира, что он не чувствует себя кабардинцем. И ему в следующем видео-интервью приходится объяснять, что он имел в виду. Как раз к вопросу о той самой тесноте, когда вопрос самоидентификации важнее, нежели то, что Кантемир первый режиссёр с Северного Кавказа, попавший в конкурс Каннского кинофестиваля и поднявший в своём фильме важнейшую тему.

— Да, но претензии к «Тесноте» были и другого рода. Мол, показал Нальчик грязным, а он ведь такой красивый.

— И ещё из-за того, что похищенные ради выкупа мальчик с его невестой именно из еврейской семьи, в то время как могли украсть любого. Слышал и такое тоже. И, мол, кабардинцы показаны националистами, а этого нет и в помине. Но мы же понимаем, что фильм не про Нальчик, не про похищение людей, не про антисемитизм и даже

не про девушку-пацанку, а про жизнь в замкнутой национальной общине, про любовь и то, какой она разной бывает. А ещё про...

— ...про тесноту родственников, «племенных» связей, которые душат. Там же мама то героиню, то её брата время от времени так обнимает, что невозможно вырваться, не оторвёшь же от себя эти любящие руки. Но и выжить в таких крепких объятиях, невозможно. Думаю, кабардинский зритель что-то такое считал и возмутился посягательством на святое. И это должно бы послужить для тебя предостережением.

Пигмалион и его дети

— Насколько я поняла, больше никаких сокуровских мастерских на Северном Кавказе не предвидится. Проект свернут. А как же вы? Вас учили, перекраивали для того, чтобы вы жили и снимали на родной земле. Дали своим землякам новый язык, через который они могли бы рассказать о себе. Но как вам теперь оставаться тут? Вам, внезапно узнавшим столько нового, полюбившим то, что вызовет недоумение у ваших вчерашних друзей?

— Отчасти так и есть. Кто бы мог подумать, что я, смотревший исключительно «голливуд», буду очень любить Тарковского, Бергмана, Антониони? Что стану любить Бродского так сильно, что, оказавшись в Венеции, поеду первым делом на его могилу? Но насчёт нового языка я не совсем согласен. Знаешь, мне иногда кажется, что мы самим себе настолько неинтересны, что и желания такого

нет — рассказать о себе. Вот пристальное внимание к тому, что о нас говорят другие — есть. И реакции из того же двухцветного набора: хвалят — сразу называем человека хорошим. Не хвалят — оскорбляемся. А насчёт перспектив... Ну и по России по фестивалям мы успели поездить, и трое из нас были в Каннах. 10 человек из 12 показали в Локарно.

Из двенадцати студентов четверо уже запустились с полными метрами — Александр Николаевич как бы сам себе пообещал дать каждому снять полный метр. Хотя мастера обычно просто набирают новую группу и всё. А он решил открыть фонд и дать возможность запуститься с дебютом. Первой запустилась наша Кира Коваленко, она сняла повести Фазиля Искандера. Искандер (он ещё был жив на тот период) подарил права на свои работы мастерской. Начался серьёзный такой процесс. Снимали в Абхазии, на абхазском языке. Вторым запустился Кантемир Балагов и со своей «Теснотой» попал в Канны, это просто невероятная удача — большой труд. Сейчас в пост-продакшн Владимир Битоков и Александр Золотухин.

— **Теперь очередь за тобой. Ты же собирался снимать полный метр именно в Дагестане? Какую историю ты здесь видишь для своего полного фильма?**

— Единственное, что я могу сказать для интервью, эта история будет об одной дагестанской семье, о тяжёлых событиях 2002–2007 годов и о двух сёстрах, которым приходится преодолевать сложности судьбы и времени. Прости, это всё, что я сейчас могу сказать...

— **После интервью я у тебя всё равно всё выпрошу, так что прощаю. На каком ты сейчас этапе, когда начнёшь работу?**

— Сейчас я работаю над сценарием с прекрасной Лизой Меламед, она, кстати, окончила ВГИКовскую мастерскую Юрия Арабова (он постоянный сценарист Александр Сокурова). Будет такой экспериментальный дебют двух студентов двух мастеров. Как только допишу сценарий, отправлю его продюсеру и параллельно мастеру. Чтоб

запустить, мне необходимы деньги. Будем искать финансирование.

— **Это вообще дорогое удовольствие? И кто за него обычно платит?**

— Как раз я недавно вернулся из Италии, и понял, что денег мне нужно ровно столько, сколько хватило бы на маленькую квартиру на окраине Флоренции. А с фильмами иногда помогает Минкультуры РФ. Бывают конкурсы, питчинги, где режиссёр может выиграть часть или всю сумму на реализацию фильма. Но после начинается отдельный этап работы. Сбор команды, поиск оператора и так далее. Нужно будет устроить кастинг, искать актёров по всей республике. Я стану искать типажи, личности; бывают люди, которые оказываются сильнее, чем актёр с образованием. И мне, конечно, понадобится помощь, надеюсь, что какая-то добрая душа скажет: «Гаджимурад, я беру машину, повожу тебя по республике, покажу, что у нас есть». Чтоб у меня была возможность увидеть Дагестан, который я ещё не видел. Увидеть и те места, что будут важны для съёмок, и тех людей, без которых мне не рассказать свою историю. И я очень надеюсь, что если республиканские власти не захотят помочь, то хотя бы не станут мешать.

Влада Бесараб

В выставочном зале Театра поэзии — необычный проект. Впервые широкой публике представлены учебные постановки студентов отделения изобразительного искусства ХГФ ДГПУ. Те самые «головы натурщика» и «фигуры в интерьере» (ну и натюрморты, конечно, куда ж без них в академическом образовании), которые семестр за семестром рисуют, пишут и лепят будущие живописцы, графики, скульпторы.

ОТКРЫТЫЙ ПРОСМОТР

Руководители всех мастерских отделения изобразительного искусства — выходцы из стен академического Санкт-Петербургского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина. Соответственно, «вся система образования строится на общих взглядах на характер и цели традиционного художественного воспитания», подчёркивает во вступительной статье к выставке искусствовед Наталья Мусаева. Традиция открытых просмотров и защит дипломных проектов, как и тёплые, дружеские, доверительные отношения между учениками и мастером, а также выпускниками одной мастерской разных поколений отсюда же — из Репинки.

В искусстве такая преемственность и «родственность» очень важна и всячески подчёркивается. Так, народный артист СССР, маэстро Мурад Кажлаев всегда отмечает, что является «музы-

кальным правнуком» Римского-Корсакова, поскольку в Бакинской консерватории учился в классе профессора Бориса Зейдмана, окончившего Ленинградскую консерваторию по классу композиции Максимилиана Штейнберга, который, в свою очередь, был учеником самого Николая Римского-Корсакова.

Среди участников выставки, которые ещё не волшебники, а только учатся, выделяется группа студентов — выпускников отделения живописи Дагестанского художественного училища, чьим педагогом была Наталья Савельева.

Сама она — выпускница мастерской живописи ХГФ ДГПУ заслуженного художника России, профессора Абдулзагира Мусаева, у которого сегодня успешно учатся её бывшие студенты.

Все авторы, чьи работы представлены в экспозиции, включая самых молодых, активно выставляются на разных площадках в Дагестане и за его пределами. Причём это самые разные проекты, требующие от художников работ в диапазоне от пленэрно-реалистических до совсем уж концептуальных.

Как «профессиональному зрителю», которому «по должности положено» посещать вернисажи и следить за творческой судьбой художников республики, от выставки в галерее Театра Поэзии мне трудно было ждать чего-то нового. Тем более что значительную часть экспозиции я видела непосредственно на просмотрах. Как-то мне всегда казалось, что о художнике правильнее судить по чисто творческим произведениям, где он сам себе заказчик, исполнитель, авторитет, критик, бог и царь. Ан нет.

Хотя учебные задания для всех одинаковые и в процессе их выполнения студенты должны продемонстрировать знания, умения, навыки, полученные на определённом этапе обучения, оказалось, что при единообразии жёстких требований, в конкретных работах прекрасно видно становление у начинающих художников характерных именно для них художественных приёмов. Более того, порой здесь их видно гораздо более отчётливо и выпукло, чем в самых неформатных и неформальных произведениях.

«Трудно себе представить художника-профессионала, не прошедшего тернистый путь овладения «ремеслом». Этапы восхождения к мастерству — огромное количество постановок по живописи и рисунку, эскизов композиций, набросков, этюдов, копий с произведений великих художников прошлого... практическая реализация заданий по живописи позволяет

студентам выражать своё отношение к натуре через взаимосвязь цвета и формы, пятна и линии, света и воздушной среды», — пишет Наталья Мусаева. Степень этого «своего» и способы его выражения и являются главным критерием, по которым мастера не просто отбирают работы в методфонд или на вы-

ставку, а угадывают в студентах своих будущих коллег.

Асият Арслангереева, Написат Дибирова, Наталья Савельева, Исмаил Исмаилов, Инесса Цгоева (Гимбатова), Шамиль Канайгаджиев, Шамиль Ахмедов, чьи работы составили ядро экспозиции, как раз и являются теми, кого определённое количество лет назад безошибочно «угадали». Они успешно прошли этап ученичества (конечно, мы помним, что настоящий мастер «учится всю жизнь», но сейчас речь непосредственно о годах учёбы в вузе) и сегодня составляют, как верно отмечает Мусаева, основу современного профессионального искусства республики. Тем интереснее было увидеть их ранние работы, сохранившиеся в закромах методического фонда факультета (о некоторых даже сами авторы успели забыть), попытаться найти в них признаки «творческого почерка», который начал складываться уже тогда, в годы учёбы, а иногда улыбнуться вместе с автором над наивными юношескими экспериментами.

Отдельная история — это натурщики ХГФ. Их много, они все замечательные, но у каждой мастерской есть любимые. Юрий Николаевич, заглянувший на вернисаж, например, чаще всего позирует в мастерской живописи, и многочисленные его изображения в экспозиции — тому доказательство. А ещё есть легендарная «баба Валя» — Валентина Филимонова. На выставке представлено не-

сколько её живописных и графических портретов разных лет в разных образах. Жизнелюбие, обаяние и доброта этой 90-летней(!) женщины восхищают всех, кто с ней встречается. Последние годы она уже не позирует, но регулярно навещает факультет, заглядывает в мастерские, посмотреть, что творят нынешние молодые. И это тоже добрая традиция ХГФ.

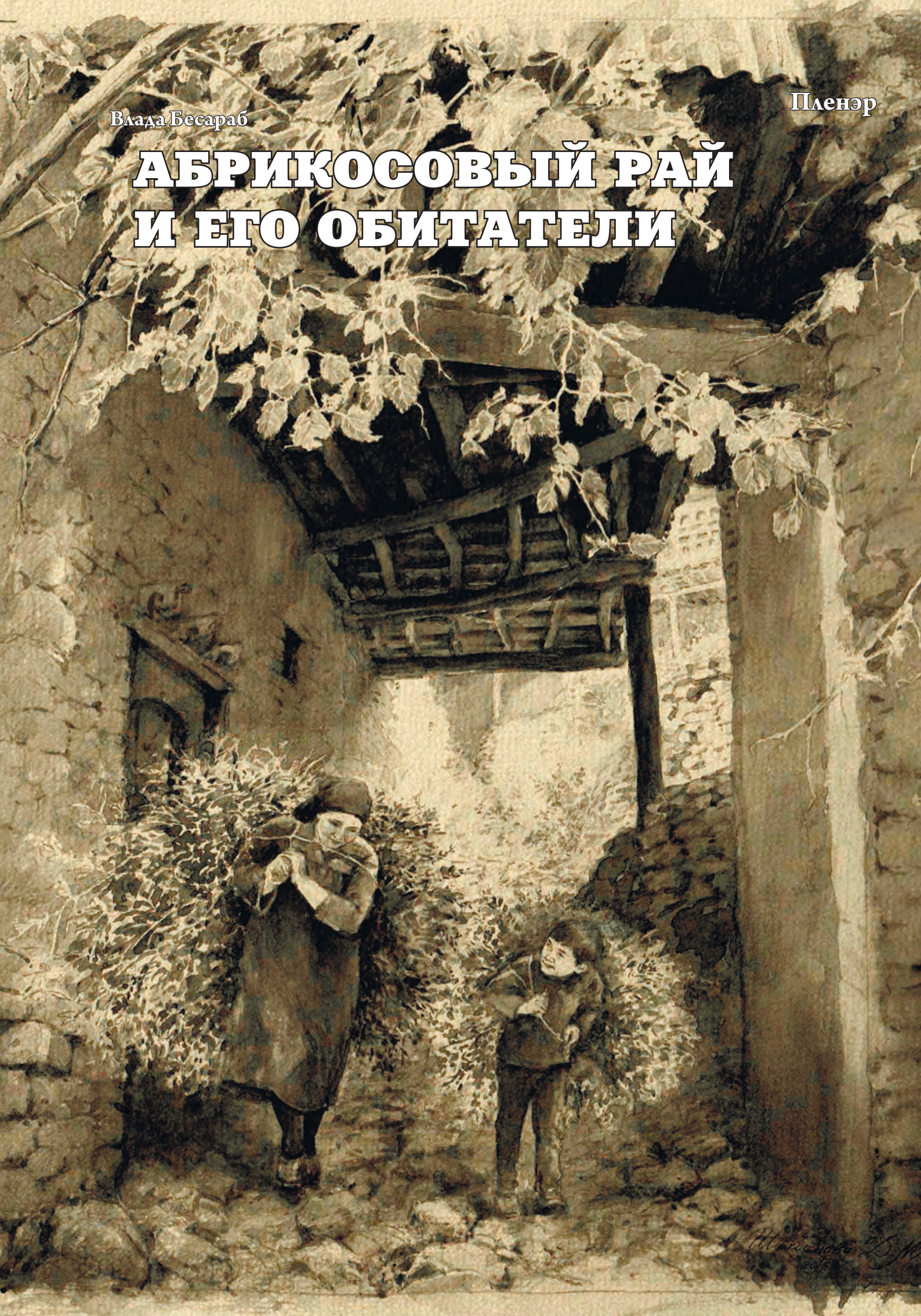

ДАГЕСТАН

Влада Бесараб

Пленэр

АБРИКОСОВЫЙ РАЙ И ЕГО ОБИТАТЕЛИ

М. М. М. М.

Рисунки и акварели для этой рубрики уже были отсканированы и сданы в редакцию, а художник Джамиля Шахбанова всё находила, что в них можно поправить, и присылала новые варианты. В этом она вся: будет корпеть над работой до последнего, доводя её до совершенства. И всё равно недовольна собой.

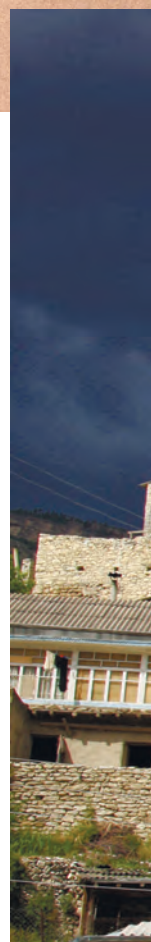
Поездка в Гергебильский район состоялась пять лет назад в рамках пленэрной практики, но художница возвращается к этой теме до сих пор — благо, собранного полевого материала хватит ещё на несколько серий.

Тогда студентов поселили в селе Курми. Это посёлок гидростроителей, основанный в 30-х годах прошлого века, когда в этих местах строилась первая в Дагестане ГЭС. До 1997 населённый пункт так и назывался «посёлок Гергебильская ГЭС». А подвиг первых строителей, работавших в тяжелейших условиях, воспет прекрасным русским художником Николаем Лаковым, который неоднократно приезжал в Гергебиль в 1930–1935 гг., чтобы зафиксировать, как идёт строительство ГЭС, включённой в план ГОЭЛРО. Лаков

был потрясён увиденным настолько, что вспоминал об этом так: «Гигантское ущелье, где сооружается плотина, и люди, висящие над бездной. Они бурят, рвут, обгрызают утёсы...».

С неприступными утёсами, возвышающимися над бурными Каракойсу и Казикумухской Койсу, и целебным мёдом диких пчёл, который под силу добыть лишь самым отчаянным храбрецам, связаны местные предания. Они также рассказывают о том, что когда-то у берёзового леса на правой стороне речной долины было расположено поселение под названием «Маххилазул росу», а на левом берегу реки —

«Миккилазул росу». В конце XIII века после кровопролитных войн их жители вынуждены были переселиться в Гергебиль. Об этих кровавых событиях напоминают могилы воинов, считающиеся зияратом (он существует и сегодня). Впрочем, гидростроители 1930-х, приехавшие в эти края отовсюду, вряд ли знали об этой истории.

Старой архитектуры в Курми нет, и чтобы показать будущим художникам «настоящие» горные селения, их возили в Гергебиль и Кикунь. В разгаре был сезон абрикосов, которыми славятся эти места, и местные жители наперебой угощали студентов.

Гергебильский район — один из самых живописных уголков Центрального Дагестана. В переводе с аварского слово «гергебиль» — «обильно засеянное». И действительно, земли этой долины очень плодородны, а климат благоприятный. И Гергебиль, и Кикунь — сёла с многовековой историей, чьи жители прославились не только как искусные садоводы.

Когда Джамиля Шахбанова вспоминает эту поездку, она говорит не столько о великолепной природе или

традиционной архитектуре, которую она, городская девушка, тогда увидела впервые, сколько о людях: «Меня восхищает то, как они справляются с трудностями, ведь даже в наше время жить в горах непросто. Это очень сильные люди. И очень добрые, активные, общительные, весёлые».

В серии нет изображений ГЭС с её плотинной, останавливающей мощный поток воды; садов, живописно раскинувшихся по склонам; величественной панорамы того или иного села. Хотя фотографии подтверждают, что автор всё это видела и тщательно фиксировала, надеясь использовать в дальнейшем. Но не использовала. Нет здесь и «уходящей природы», Шахбанова живописует места обжитые и обитаемые.

Ей интересны люди, которые живут своей обыденной жизнью. Художница поэтизирует сельскую жизнь, любит людей, восхищается, как просто и вместе с тем удобно, рационально организовано их нехитрое хозяйство.

Излюбленный материал Джамили — акварель. Причём часто она работает в технике гризайль (то есть пишет градациями одного цвета). И даже в офортах (а Шахбанова — выпускница мастерской графики ХГФ ДГПУ и ученица Юсупа Ханмагомедова, отличный офортист) и карандашных рисунках у неё сохраняется живописность, мягкость.

Джамилия — художник-лирик. Причём лирик есенинского толка —

из-за любви к крестьянской теме. «Природа превращала горцев в тружеников», — поясняет она, акцентируя внимание на том, что ей хотелось показать эту неразрывную и естественную связь горца с природой. В этом она продолжает традицию русского художника XIX в. Григория Гагарина, превратившего акварельный этюд в жанр художественного очерка путём включения в пейзаж жанровых сцен. Причём изображаемое действие всегда присуще героям, привычно им, и воспроизведено достоверно. Жизнь людей в горах размеренная и гармоничная, опыт предков — будь то садоводство или изготовление урбеча, актуален сегодня и будет востребован завтра. Это «завтра» у гергебильцев, несомненно, есть.

На одном из листов мы видим ребёнка, который помогает матери заготавливать сено. Согнувшись под тяжёлой ношей, они идут рядом. Да, им тяжело, но они при этом улыбаются. Им хорошо

просто от того, что они сейчас вместе, у них общее дело, солнце ласково светит, и каждый камень неровной дороги им знаком. Техника гризайля хорошо передаёт постепенные светотеневые переходы, игру рефлексов, различные подробности, сообщающие особую достоверность изображению. Отказавшись от цвета, художница, тем не менее, сумела передать и теплоту летнего дня, и игру света в яркой зелени, и фактуру камня и дерева. Что говорит о виртуозном владении техникой акварельной живописи.

В портретах Шахбанова передаёт не столько характер героя, сколько его настроение, которое она мгновенно улавливает. Видимо, поэтому даже аульские старики,

ки, которая словно и не замечает его тяжести, глядя на зрителя внимательно и ласково.

Гергебильская серия Джамили Шахбановой безыскусна, но при этом очень изысканна. Ею хочется любоваться, она приглашает размышлять. И вспоминать неповторимый вкус гергебильских абрикосов, хотя их и нет на рисунках.

всегда занятые хлопотами по хозяйству, охотно ей позировали, отложив все свои дела. Они видели подлинную заинтересованность художницы в происходящем. Перебирая рисунки, Джамила вспоминает, как бабушка Марьям, почти не говорившая по-русски, через свою внучку, выступившую в качестве переводчика, рассказывала о том, что в молодости она очень любила танцевать, участвовала в самодеятельности, и они с мужем часто выступали по всему Дагестану. А вот у другой бабушки из Курми «переводчика» не нашлось, но она и без перевода поняла, что её просят позировать, и с удовольствием согласилась. Обычная верёвка как-то так хитро завязана, перекинута и скручена, что мешок надёжно зафиксирован на плече старуш-

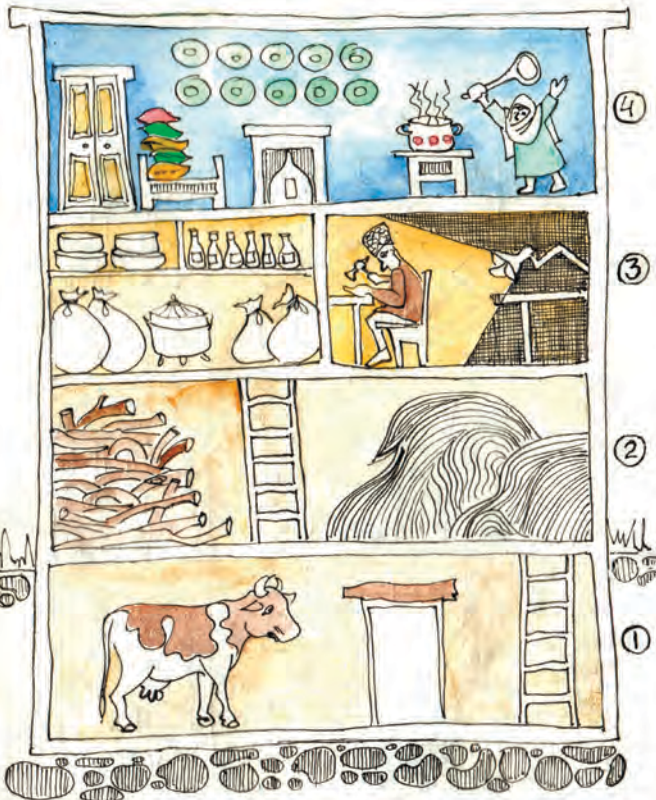

Борис Войцеховский

— Строишь из себя умного, в очках ходишь, борода седеет, 45 уже не за горами, а не знаешь, вот совершенно не знаешь элементарных вещей. Почему небо голубое? Почему иногда рифмуется? Почему хинкал лучше чуду? Почему дети взрослеют? Почему море в августе пахнет арбузом? Почему сильнее всего хочется в туалет в лифте? Куда деваются деньги? Откуда берутся деньги? Если бог во всем, то есть ли он, например, в квитанции из прачечной? Но, главное, почему, ну почему, каждый раз, едва садишься в кресло парикмахера, начинает нестерпимо хотеться спать?

(АХМЕД МУНГИ) →

ЗАХОДИ, БРАТ!

ДОМА В КУБАЧИ СЛОЖЕНЫ ИЗ ПЛИТ СЛАНЦА БЕЗ ЦЕМЕНТА. ИНОГДА ТАКИЕ ДОМА ДОСТИГАЮТ ДВАДЦАТИ МЕТРОВ В ВЫСОТУ И НАСЧИТЫВАЮТ ПЯТЬ-ШЕСТЬ ЭТАЖЕЙ.

• ВЕРХНИЕ ЭТАЖИ — ЖИЛЫЕ. ЧАСТО В ОДНОМ ДОМЕ ЖИВЕТ НЕСКОЛЬКО ПОКОЛЕНИЙ: ОТ ПРАДЕДА ДО ВНУКОВ. И НИКОГДА НЕ ЖАЛУЕТСЯ (ПОЧТИ).

• ТРЕТИЙ ЭТАЖ — ПРЕКРАСНОЕ МЕСТО ДЛЯ ХРАНЕНИЯ ПРОДУКТОВ. ЗДЕСЬ ЖЕ НАХОДИТСЯ МАСТЕРСКАЯ, ДА ЕЩЕ И КАЖДОГО — СВОЯ РАБОТА, ЧТОБ НЕ СКУЧАЛИ.

• НА ВТОРОМ ЭТАЖЕ ДОМА КУБАЧИНЦЫ ХРАНЯТ ДРОВА И ФУРАЖИ — КОРМ ДЛЯ СКОТА. СКОТ СЮДА НЕ ПУСКАЮТ, ЧТО НЕ СПРАВЕДЛИВО.

• НА НИЖНЕМ — ЧАСТО ПОДЗЕМНОМ — ЭТАЖЕ РАСПОЛАГАЕТСЯ ХЛЕВ И КОНЮШНЯ. СМЕШНО: В КУБАЧИ НЕТ НИ ОДНОЙ ЛОШАДИ. КУРОВАМ ЭТО В КАВИР.

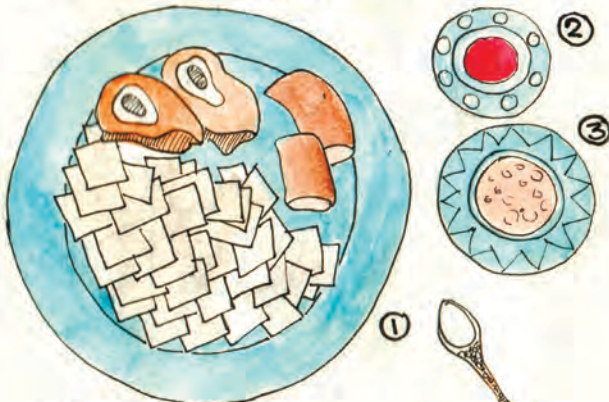

МУЖЧИНЫ — КУБАЧИНЦЫ ЧАСТО УЕЗЖАЛИ ИЗ АУЛА ПРОДАВАТЬ СВОИ ИЗДЕЛИЯ. НО ВОЗМОЖНО ИМ ПРОСТО ХОТЕЛОСЬ ОТДОХНУТЬ ОТ БОЛЬШОЙ СЕМЬИ?

БЫЛ В ПАРИЖЕ Я И ТАМ ЖИЛА В ОТЕЛЕ НЕБОЛЬШОМ. КАК-ТО РАЗ КО МНЕ МАМА ПОДОШЛА НА КАБЛУЧКАХ...

ЕДА

СТОИТ ПРИЗНАТЬ, ЧТО СОБСТВЕННО КУБАЧИНСКИХ БЛЮД ПРАКТИЧЕСКИ НЕТ. НО! ПОЕСТЬ В КУБАЧИ МОЖНО ОТ ДУШИ. ДА-ЧТО УЩ ТАМ — И ПОЕШЬ ОТ ДУШИ ЗДЕСЬ МОЖНО ТОЖЕ!

ХИНКАЛ

БЕЗ ВСЯКИХ ДУРАЦКИХ СОМНЕНИЙ ЯСНО: ХИНКАЛ — САМОЕ ГЛАВНОЕ БЛЮДО НА ЛЮБОМ ДАТЕСТАНСКОМ СТОЛЕ. И КУБАЧИ — НЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ. ТАКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ ОБЯЗЫВАЕТ, ПОЭТОМУ ХИНКАЛ СОСТОИТ ИЗ НЕСКОЛЬКИХ ЧАСТЕЙ: ВАРЕННЫХ КУСОЧКОВ ТОНКОГО ТЕСТА (1), ВАРЕНОГО МЯСА И СУШЕНОЙ КОЛБАСЫ (ОПЯТЬ 1.) ПОДЛИВЫ (2) И ЖИРНОГО БУЛЬОНА (3).

ЧУДУ*

ЧУДУ — ЭТО ПИРОГ. В ДАТЕСТАНЕ ИХ ВЕЛИКОЕ МНОЖЕСТВО, НО В КУБАЧИ ГОТОВЯТ ЧАЩЕ ВСЕГО ДАРТИНСКОЕ ЧУДУ С МЯСОМ И КАРТОШКОЙ.

* В КУБАЧИ ЧУДУ НАЗЫВАЮТ ВУТ КАК (ЗАПОМНИ!):

НАМЕК

1. ДИГЛЯ АЛЬКУЦЕ — С МЯСОМ.
2. НИССЕЛЯ АЛЬКУЦЕ — С СЫРОМ.
3. ХЪБАХЪЛЯ АЛЬКУЦЕ — С ТЫКВОЙ.
4. КЪАЙЛЯ АЛЬКУЦЕ — С ЗЕЛЕНЬЮ.

КОГДА ЖАРЯТ НИССЕЛЯ АЛЬКУЦЕ, ОН ОЧЕНЬ СМЕШНО ВЗДУВАЕТСЯ.

УЩКАЛА АЛЬКУЦЕ*

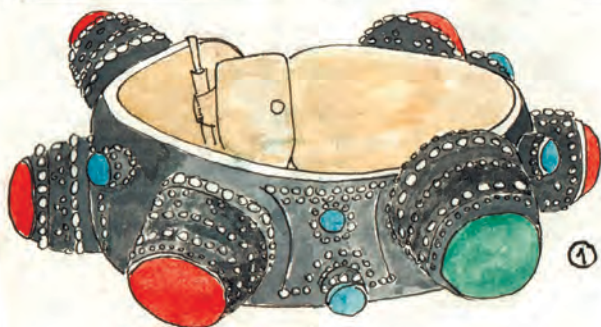

НЕ СИЛЬНО ПОДГОТОВЛЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК ВРОНЕ МОЖЕТ И ОШИБИТЬСЯ: РАЗ АЛЬКУЦЕ, ТО ЗНАЧИТ ЧУДУ. ЕЩЕ ОДНА! УЩКАЛА АЛЬКУЦЕ — ИЛИ КУЦЕ — ЭТО КУБАЧИНСКИЕ ПЕЛЬМЕНИ. ИХ ВАРЯТ. НО КУДА ВКУСНЕЕ ИХ ПОТОМ ОБЖАРИТЬ.

* УЩКАЛА ПЕРЕВОДИТСЯ КАК "КАСТРЮЛЯ". УЩКАЛА АЛЬКУЦЕ БЫВАЮТ С МЯСОМ ИЛИ ЯЙЦОМ.

ЭТО ДЕЛО

МОЖЕТ СЛОЖИТЬСЯ ВПЕЧАТЛЕНИЕ, ЧТО В КУБАЧИ ВСЕ ТОЛЬКО ЕДЯТ И ВЕСЕЛЯТСЯ. НО ЭТО НЕ ТАК! КУБАЧИНЦЫ — ИЗВЕСТНЕЙШИЕ ЮВЕЛИРЫ. ИХ ИЗДЕЛИЯ СЛАВЯТСЯ НА ВЕСЬ (ПОЧТИ) МИР.

1 КРУТОЙ КУБАЧИНСКИЙ СВАДЕБНЫЙ БРАСЛЕТ С МАЛАХИТОМ И КОРАЛЛАМИ.

2 НЕ МЕНЕЕ КРУТОЕ КОЛЦО С БИРЮЗОЙ И ГРАНАТОМ 3-

4 БРАСЛЕТЫ ИЗ СЕРЕБРА 5 ЗОЛОТЫЕ СЕРЬГИ С КОРАЛЛОМ 6 СЕРЬГИ ИЗ СЕРЕБРА.

МОЛОДЫ У НАС СЕРАЦА И НА ВЕСЬ ПРОСЛАВЛЕН СВЕТ ПОЧЕРК ТОНКОГО РЕЗЦА КУБАЧИНСКИХ МАСТЕРОВ. АХМЕД МУНТИ

ГОДЕКАН

ЧТО ТАКОЕ "ГОДЕКАН"? ВСЕ ПРОСТО: ЭТО МЕСТО НА ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПЛОЩАДИ, ГДЕ ЕЖЕДНЕВНО СОБИРАЮТСЯ МУЖИЧИНЫ, ЧТОБЫ ПОГОВОРИТЬ О ВАЖНОМ И НЕ ОЧЕНЬ ДЕЛАЮТ ЭТО ОНИ ВСЕГДА С СЕРЬЕЗНЫМ ВЬДОМ, ПОТОМУ ЧТО ТАК НУЖНО!

Размышления с Кайсыном Кулиевым

Магомед Ахмедов

1

Когда я думаю о Балкарии, о земле «раненого камня» Кайсына Кулиева — неповторимого и великого поэта Кавказа и мира, передо мной встают Чегем и Чегемские водопады, горы и скалы, суровая нежность и нежная суровость родины поэта. И меня согревает высокое слово «тавлу» — горцы, так себя называют балкарцы. И мы, аварцы, себя называем «маарулал», т.е. горцы. Горы и горцы. И в Балкарии, и в Дагестане святое понятие, ведь выше гор могут быть только горцы. Слышу я далёкий голос Киплинга: «Ты у горца спроси, свободного горца спроси, зачем он живёт среди гор». Горы и горцы. Горе и горцы. Небо и горцы. Вершины и низины. Теснины и ущелья. Родники и ручьи. Водопады и слёзы. Народ и его судьба. Смысловыми и

духовными красками этих понятий создан поэтический и человеческий портрет Кайсына Кулиева:

Был пахарем, солдатом и поэтом,
Я столько видел горя, столько бед,
Что кажется порой: на свете этом
Уже я прожил десять тысяч лет.

Меня работа ждёт, и манят дали,
Я столько строк ещё не дописал,
Что кажется порою: не вчера ли
Я на коленях матери играл.

Кайсын Кулиев был поэтом свободным, вольным, величавым и поэтому человек и его человеческое достоинство были важны для него больше всего. «Большие поэты как-то похожи на большие реки, которые текут и текут, длинен их путь до моря, но

они не скудеют. Вот так же не скудеет родник поэзии больших поэтов». Так сказал Кайсын. Просто. Ясно. По-человечески понятно.

А в стихах выдохнул:

Не был я сильнее других людей,
Был не более других я грешен.
О, судьба, меня ты пожалей,
Не оставь меня в дороге пешим.

Не провёл я в праздности ни дня,
Карандаш ружью предпочитаю.
Злое горе, не карай меня,
Или будь добрей, меня карая.

... Кто бы ни был я, я — человек,
Сколько бы ни жил, — я прожил мало.
Пощади меня, тяжёлый снег,
Не щадящего людей обвала.

Друг Кайсына и Расула, замечательный литовский поэт Эдуардас Межелайтис заметил: «Писатель в первую очередь должен познать себя, открывать самому себе собственную личность — не извне, а изнутри. И чем глубже поэт проанализирует свою душу, чем глубже проникнет в неё, тем сложнее и в то же время интереснее станет он для других людей, тем большую получит возможность больше жить».

Для Кайсына Кулиева познание себя было познанием его родины Балкарии. Он, прежде всего, поэт Родины. И сердце, и душа, и мысли Кайсына стали сутью его народа. Стихия стихов Кайсына Кулиева — это бессмертный портрет его Родины.

Читая Кулиева, мы слышим и видим шум мельницы в горах, снегопад, мелодию родника и музыку горской речушки, дыхание аробщика, бег горной тропинки, песню мальчика, едущего на ослике, полёт птицы между скал, орлиный клекот на вершинах, печаль одинокого дерева, по склонам кочующие тучи, клинок рядом с розой, гроздь винограда в предчувствии вина, руки горца, превращённые в мозоли, а рядом с ними раненые камни, похожие на руки горца, кизилевый отсвет вдали, стариков, ведущих беседу, пахарей, бредущих за плугом, громы и молнии в горах.

Кайсын Кулиев знает язык неба и земли, животных и птиц, деревьев и кустов, гор и скал, родников и рек. Он ведёт с ними вечную беседу, он говорит с родиной на языке родины; «Человек. Птица. Дерево» — так назвал он последнюю книгу:

Трава на земле, на небе звезда,
Как хорошо вам, просторы мои.
Бредут чабаны, несутся стада,
Как хорошо вам, о горы мои.

Снега на вершинах, на склонах леса,
Как ты спокойна, родная земля.
На шкуры арбузов ложится роса,
Как хорошо вам, бахчи и поля.

Снега на горах, за горами — гроза,
И я благодарен своей судьбе.
Как хорошо вам, мои глаза,
Сердце моё, как спокойно тебе.

«По стихам поэта проходят задумчивые тропинки родной земли». Так сказал Кайсын.

2

Балкарский народ, породивший великого поэта Кайсына Кулиева, увидел на своём веку много бед, горестей, печалей. Одно изгнание с родной земли может озлобить народ, сделать его жестоким и нетерпимым к другим народам. Но Балкария, балкарский народ, его великий поэт Кайсын Кулиев вышли из этой исторической несправедливости к миру добрыми, чистыми, честными, хранителями человечности, любви, дружбы, чести и совести, исполненными небесного света, земного добра и звёздной высоты.

Поэтому по вековым морщинам скал, гор, камней Балкарии текут святые слёзы поэта Кайсына Кулиева, превращаясь в живую воду высокой и неповторимой поэзии:

Снег идёт,
Как он шёл при моём отце,
Снег идёт,
Как он шёл для отца в Чегеме.
Снег идёт,

И, глазами следя снегопад,
Наконец-то вчитаюсь я пристально в Лорку.

Снег идёт,
Над орешинной и алычой,
Как в тот день,
Когда шёл я из леса домой
И с чинаровым хвостом ослик за мной.
Снег идёт,
Снег идёт,
И, следя снегопад,
Наконец-то я вслушаюсь зорко в Шопена.

Снег идёт,
Над орешинной и алычой,
Снег идёт,
Снег идёт,
Снег идёт,
Белый-белый!..

Стихи, не боюсь сказать, гениальные. В этом «Снег идёт» слышится такая музыка слов, души, сердца, что кажется в одном снегопаде тысячи снегов разных времён, разных стран, разных эпох. Вдох и выдох поэта стал здесь такой гармонией вечности, красоты и мига.

Читая такие стихи, чувствуешь дыхание вечности и вечность таланта. Именно такая поэзия — чудо, достойная восхищения, по прочтению которой тебе кажется, что ты заново родился, и поражён, как ребёнок, увидевший мир впервые.

«Художник, — сказал поэт Леонид Мартынов, — приходит в мир, чтобы увидеть мир заново... поделиться увиденным с великим множеством людей...».

А любимый поэт Кайсына Гарсия Лорка заметил: «Миссия у поэта одна: одушевлять в буквальном смысле — дарить душу... Поэзия не может быть тёмной, потому что поэзия проста и светла... Чего поэзия не терпит ни под каким видом, — это равнодушия. Равнодушие — престол сатаны». Проста и светла и неравнодушна поэзия Кайсына Кулиева, он видит мир, и мир видит его; волшебство, созданное в его стихах, незабываемо — как сказка детства, как колыбельная песня. Счастлив народ, у которого был и есть такой поэт, как Кайсын Кулиев.

Кайсын Кулиев, прежде всего, нам дорог тонкостью души и чистотой мудрого горского сердца; красками слов он рисует портрет времени, эмоциональность и темперамент делают стихи поэта полными жизни. По своей творческой сути и человеческой судьбе Кайсын Кулиев поэт трагический, но и трагедия у него обретает черты оптимизма и веры в настоящее и будущее его народа и родины. А прошлое остаётся зеркалом, где отражается не только память боли и страданий, но и великая любовь ко всему живому по-настоящему отражена в этом же зеркале. Стихи К. Кулиева таинственны и торжественны, они созвучны состоянию души человека и человечества. В этом его сила. В этом его неповторимость:

Я не могу сказать: «Мне всё равно,
Что будет в мире после нас твориться!»
За кладбищем, где тлеть мне суждено,
Пусть сад цветёт и поле колосится.

Ты, мир, меня жалел не больше всех,
Когда уйду, других жалею и радую.
Пусть дождь идёт, и пусть шумит орех
Листою за кладбищенской оградой.

Я не скажу: «Пусть мир летит с основ,
Когда я буду истлевать в могиле!»
Из мира уходя, подобных слов
Ни мой отец, ни мать не говорили.

Это не стихотворение, а маленькая повесть, где соблюдены все лучшие черты балкарского народа и его поэта Кайсына Кулиева.

«Чтобы лучше понять страну, необходимо читать её поэтов», — писал Кайсын. «Чтобы понять Кайсына, надо любить Балкарию и побывать в Чегеме», — добавлю я.

Мне о многом рассказали раненные камни Балкарии, симфония красоты Чегемских водопадов звучит во мне многие годы, во дворе дома старого Чегема осталось моё сердце. Над могилой поэта в новом Чегеме

стоял я, как сын над могилой отца, чувствуя боль памяти и память боли в день ухода поэта Кавказа и Дагестана, Балкарии и России Кайсына Кулиева.

«Стихи Кайсына Кулиева молитвенны и искренни, он пишет, как дышит, по ритму его стихов можно узнать биение его сердца и боль его души.

Стихи его обнажены, как нервы, но рядом с этим, как лекарь, стоит родная многострадальная Кабардино-Балкария, где идёт снег и дождь, где поэт ведёт вечную беседу с Чегемом, горами, ранеными камнями, деревьями, скалами, реками, веками, вершинами, долинами, цветами, полями, дугами, землёю и небесами.

Чувство Родины — самое святое чувство у Кайсына Кулиева. Кайсын, как и его родина Кабардино-Балкария, через горе и страдание стал лучше, добрее и выше. В этом его счастье. Вряд ли в мировой литературе ещё кто-нибудь повторит такое волшебную симфонию гор, снега, дождя, земли, неба, поэзии, музыки слова, таланта и вдохновения», — написал я много лет тому назад. И сегодня я вновь повторяю эти слова. Поэтому и написаны эти стихи.

Памяти Кайсына Кулиева

Я вижу Кайсына — поэта судьбы,
Что, родину нежно к груди прижимая,
Идёт по планете, от края до края,
Минуя годов верстовые столбы.

А слёзы его на балкарских камнях,
Как будто цветы, расцветают повсюду,
И радостно людям от этого чуда,
И слово их греет сильнее огня.

Поэтом он был этих раненых скал
И этих камней, здесь чернеющих немо,
Поэтому сердцем Балкарии стал,
Которое бьётся в груди у Чегема.

Когда в роковой тот и горестный год
В безжалостные азиатские степи
Был изгнан его невиновный народ,
Он следом летел за ним преданной тени.

Настигла его эта весть на войне,
Но после раненья он вновь шёл в атаку,
Под сенью отеческой красного флага,
Не ведавшего о народной «вине».

Когда отгремела война, наконец,
В Москве разрешили остаться поэту,
Но с родиной изгнанной раны и беды,
Кайсын разделил, как терновый венец.

— Я должен быть рядом, —
он кратко сказал,
Себя добровольно отправив в изгнанье,
Почёту он честь предпочёл и страданье,
Чтоб людям смотреть, не мигая, в глаза.

Я был в его сакле отцовской не раз
И видел очаг, где незримые слёзы,
Застыли, как льдинки в лихие морозы,
А он всё равно для него не погас.

Кайсын был поэтом вершин и небес,
Они его книги читали запоем.
Балкария, сын твой родился героем,
Хотя никогда он в герои не лез.

Не зря же ему написал Пастернак
О праве его на земле «быть поэтом» —
Его он не в пыльных обрел кабинетах,
А там, где до смерти один только шаг.

Он — радость и горе балкарской земли,
Слезе и улыбке родного Чегема,
Недаром на скалах его проросли
Цветами Кайсына стихи и поэмы.

Когда я в Чегем приезжаю опять,
Привычно ладони к лицу прижимая,
Я строки его, как молитву, читаю,
Вдыхая незримую их благодать.

Тебе лишь молился я, мой Дагестан,
Тебе неизменно был преданным сыном,
Но, как пред тобой, на колени я встал
В Балкарии перед великим Кайсыном.

*Перевод с аварского
М. Ахмедовой-Колюбакиной*

Магомед Бисавалиев

Как мои предки понимали ислам

(История похищения грузинского мальчика)

— Мой прадед Малу из Чорода был гъазияв (борец за веру). Говорят, один большой алим из внутреннего Дагестана, посетив кладбище в селении Чорода, остановился возле его могилы и сказал: «Это могила гъазиява, я вижу. У него во лбу пуля есть, а сейчас он один из обитателей рая». Человек, который посетил могилу, был с кашфу караматом (по исламу — ясновидящим). Вот такой был мой предок, не то что твой, — говорит мне мама и смотрит на меня и на отца моего, у которых нет в роду газиев.

— Ты зачем эту глупую старуху провоцируешь? Оставь её, это их «творчество», они большие сказочники, — говорит отец мне и машет рукой.

Я смеюсь над их спором и опять провоцирую маму. Она продолжает:

— Когда ваши салдинцы (Салда — отцовское село) у очага картошку пекли, мои предки Алазани переплывали и по Шираку скакали — кто за гИлму (наукой), кто на чабхъен (набег).

Отец готов к отпору:

— Кто твой предок, который гИлму знал? Твой отец мог пару слов на аджаме писать — не больше, и всю жизнь чабановал, и отец его тоже был чабаном...

— У меня с материнской стороны был мудрейший дед Малул Омар! К нему ходил весь Азербайджан и Гуржистан за советом. А его отец Малу — гъазияв (шахид). И ещё Палимасул ТИнав — гъази (борец за веру), похороненный в Мазуме, тоже из нашего села, с моим прадедом в походы шёл!

Каждый раз, когда начинается такой спор, я узнаю о новых интереснейших персонажах. О некоторых мне доводилось слышать, но вскользь, и я не знаю подробностей. Очень хорошо, что она зацепила отцовскую сторону, думаю я — теперь отец не сможет отмолчаться, и разговор не заглохнет.

— Люди, которыми она хвастается, были. Но никакие это не борцы за веру, обыкновенные глупцы и разбойники, которые сами не понимали, что творили. Они рассказывают историю о грузинском мальчике, которого их предок украл в Грузии и держал, пока не дадут выкуп. Это обыкновенный

бандитизм и джахилия (невежество) с точки зрения ислама, — говорит отец. — Украли они из Тушетии семилетнего мальчика. Он оказался сиротой. Мать была у него, а отца не было. Звали мальчика Зурабом.

— У Малу была большая семья, с трудом он кормил своих детей, а тут ещё бичИкЮ (мальчик — с грузинского), они и не кормили его. Он, бедный, то тут, то там подрабатывал. Зураб провёл несколько лет в Чорода, никто не торопился привезти за него выкуп. Позже один тушинец передал, что и мать его тоже умерла.

Малу его держал с надеждой, что выкупит кто-то из родственников. Мать у Малу была очень набожная женщина, и всё время сына умоляла, чтобы отпустил Зураба обратно в Цор, что она боится Аллаха и не верит, что по религии разрешается держать людей для выкупа. А мальчика из жалости утешала и успокаивала:

— Отпустим тебя, сынок мой Зураб, как только снег растает и откроется перевал в Цор, отпустим.

Однажды, когда она в очередной раз произнесла эти слова, Зураб зарыдал и сказал на ломаном джурмутском диалекте в ответ:

— Эбел гьечу, пайда гьечу (нет моей матери больше в живых, и не будет пользы от разговоров).

Он от кого-то услышал, что его мать умерла. Заплакала вместе с Зурабом мать Малу, пригласила к себе сына и сказала:

— Я отказываюсь от тебя, ты мне больше не сын, если не отпустишь этого мальчика.

После этих слов Малу должен был отпустить бичИкЮ. Была зима, перевал закрыт, добраться до Цора невозможно. Зураб каждый божий день смотрел на снежные вершины гор, окружавшие село, на реки и леса, и искал признаки весны. Скучал он по тёплой солнечной Грузии, и его очень обрадовали слова Малу, что отпускает его домой.

Наступила весна, люди начали пахоту, а перевал всё ещё был закрыт.

Первыми через Большой Кавказский хребет со стороны Цора сюда приходят олени, только после их прихода идут люди в Цор.

В один день Зураб с голоду пошёл на пашню, выкопал себе земляных груш, корней

растений, и вечером ел их на веранде. Когда дети Малу услышали, что Зураб что-то ест, прибежали к нему и стали требовать:

— Ле, бичЮ, что за жикъ-жвакъ там, что кушаешь?

В ответ Зураб сказал им:

— Если вы утром от меня «две, дами» (налей, положи еду) не услышали, сейчас «жикъ-жвакъ» тоже не должны слышать.

Утром, когда они ели, он бегал вокруг и просил поесть на ломаном джурмутском. Они его прогнали, вот и получили такой ответ вечером.

И поныне на джурмутском диалекте есть пословица: «НокЮ две дами ритьЦаса, гьеже жикъ жвакъги рильу гуй» (Кто не услышал утром «налей, положи», сейчас «жикъ» то, что я кушаю не должен услышать).

Зураба отпустили. Однако он вернулся через пару лет на перевал к чородинским чабанам, объявил куначество. Говорят, в его хурджунах были красное вино и чёрные козлята, чьё мясо сладкое, как сон. Было ли это, мне сложно сказать, может быть их, чородинцев, творчество, они неплохо сочиняют, — говорит отец и кивает в сторону мамы.

— Было, это всё было, и не только это. Говорят, когда играли свадьбу Зураба, тамада поднял весь грузинский джамаат за столом и произнёс длинный тост за здоровье матери Малу, и с большим уважением выпили все, — отвечает мама, довольная полной капитуляцией салдинцев, то есть моей и отца.

— Вот такие гъазизаби у них, за здоровье которых грузины поднимают вино, — говорит отец и смеётся.

— И какова судьба самого Малу? — спрашиваю у мамы.

Она не могла ответить ничего конкретного, и тут вмешался отец:

— У себя дома от старости умер он. По их сказкам, в одном из походов его ранили. Пуля попала в лоб. Почему-то она не вошла вовнутрь черепа, и её не извлекли оттуда. Вот такой странный лоб и странная пуля, которую какой-то шейх через 100 лет увидел, стоя у могилы Малу в Чорода, — говорит отец.

Мне не очень интересен был Малу и его история с Зурабом, хотя он мне и предок по

матери. Как-то от покойной бабушки слышал я слова оплакивания одного молодого человека, она читала их для себя. Когда я поинтересовался, о ком это, она ответила:

— Это про храбреца — гъазиява Галимасул ТИनाव.

Вот он был в моей памяти с самого детства, но кроме отдельных обрывков, цельной истории об этом загадочном человеке я не слышал.

Я пытался подвести отца к разговору о нём, но вмешалась мама и повернула к своим предкам, которые были мне менее интересны. А ТИनाव и его судьба — это сплошная кровавая вендетта в горских традициях. Он был дерзок и непредсказуем. Как и все храбрецы, он не думал о последствиях, и судьба его безжалостно наказала. За безрассудство и подвиги. Хотя были ли они подвигами? Судите сами.

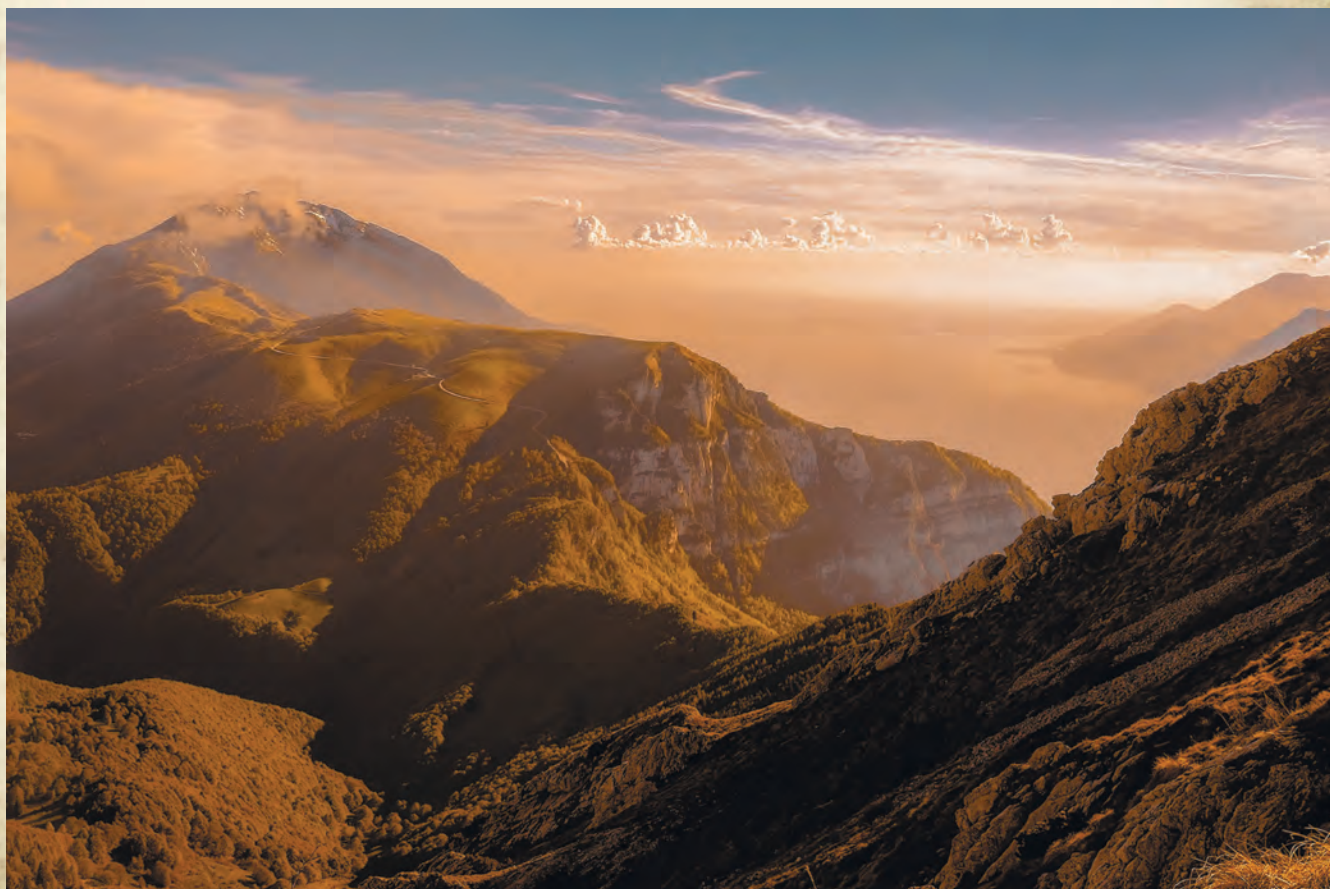
Набеги в Гуржистан: газават или грабёж?

(О предводителе набегов Алимасул ТИनाव из Джурмута)

— Галимасул ТИनाव, по словам предков, был человеком отчаянной храбрости. Но в этой храбрости было больше безрассудства, нежели трезвого ума и воли. Некоторым его поступкам нет объяснения, — говорит отец.

— Что он не так делал?

— Из того, что я слышал, всё не так делал. Много людей пострадало от его набегов. Не только со стороны грузин, но и с нашей стороны. Как рассказывают, он шёл на чабхъен (набег) с небольшой группой всадников,

крал детей, угонял табуны лошадей, отары овец. Понимаю, была война, и с грузинской стороны приходили к нам карательные экспедиции. Но...

Из Тушетии в Джурмут забрать что-то — это полдела. То, что ты забрал, ещё защитить надо. Они ведь за полдня с войском приходили отбить угнанное, и отбивали порой.

Очень часто тушинцы шли походом на нас и наши маленькие аулы сжигали. А бывало, что джурмутцы страдали не за свои набеги. Пройдут походом аварцы из внутреннего Дагестана в Грузию, так первый удар от разъярённых тушинцев принимали на себя люди, которые ближе к ним. Потому джурмутцы находились в постоянной боевой готовности.

Были и дипломатические отношения с грузинами. Но для таких, как ТИнава, правил не существовало, они только нападали и портили эти отношения. Он был блестящим наездником, стрелял метко и был хорош в рукопашной. Давла (трофеи) после набега делил честно, не обижал друзей, которые шли с ним вместе на дело, часть оставлял для вакъфу (нужды мусульман), не обделял сирот и бедных.

Вот почему, на мой взгляд, он впоследствии стал почитаемым в джамаате и шахидом. Кормил голодных набегами. Но когда имя его и слава заставили трястись от страха приграничные сёла Грузии, он ослеп от самоуверенности.

Однажды поздней осенью он с другом пошёл на тушинцев, отбил у них отборную отару красивых овец — ярк чёрного цвета тушинской породы, убил чабанов, взял в заложники 14-летнего мальчика и возвращался в Джурмут.

Это было время, когда джурмутские отары спускались на зимовку в Цор, в горах выпал снег, но перевал ещё не был закрыт. ТИнава хотел успеть до закрытия перевала перейти в Джурмут через Большой Кавказский хребет, продержав там до весны мальчика, а потом вернуть за выкуп, а отара овец — это своего рода садакъа (милостыня) для мусульман за горами.

Но осенью дни короткие. Сумерки достигли их на грузинской стороне, недалеко

от места стоянки соседей-чабанов. Чабаны эти — Роз и Ванат, приходились ТИнаву родственниками, они были братьями его жены. Там и заночевали, привязали бичИкЮ к дереву, чтобы не убежал, а отару охраняли с оружием в руках по очереди.

Рассвело, и они отправились в путь. Через большие и непроходимые цорские леса поднялись на перевал. Был пасмурный день, на перевале падал снег. Впереди на лошади был сам ТИнава, в середине отару гнал мальчик-грузин, а замыкающим был друг ТИнава по набегу, джарский аварец.

Снег шёл всё сильнее и сильнее, буря усиливалась. В океане снега и бури с трудом можно было разглядеть отару чёрных овец — тёмной лентой тянулась она по узкой тропинке. На подступах к перевалу дорога пошла серпантинном, обрываясь в овраги с ручейками. И увидеть отару целиком стало сложно.

Как поднялись на открытое место на самом верху, ТИнава обнаружил, что друг из-за встречного ветра дальше себя ничего не видит и идёт с трудом, а похищенный мальчик исчез.

ТИнава поднялся повыше и увидел, как бичИкЮ то катится камнем, то поднимается и бежит, и всё больше приближается к лесу, за которым лежит Грузия. Ничего не оставалось, кроме как стрелять. Если уйдёт, сдаст односельчан, которые принимали их ночью.

Выстрелил ТИнава трижды, от сильного ветра и снега невозможно было прицелиться, да и расстояние было приличное. Мальчик достиг леса и исчез из виду, искать его там — всё равно, что иглу в стоге сена.

ТИнава оказался в ужасном положении. Друг с трудом передвигал ноги, выбившись из сил и замерзая. Овцы отказывались идти навстречу снежной буре, бичИкЮ сбежал, он может дойти до грузин и передать им, у кого джурмутцы останавливались.

И непонятно, что легче: до Джурмута добраться, или вернуться в Цор. Друг начал просить, чтобы пошли домой, в Джурмут. Но лошадь дальше идти не могла. ТИнава решил отогнать её в сторону Цора — может, доберётся до леса, выживет. Стемнело, когда они с большим трудом добрались до небольшой пещеры, в которой могли укрыться два человека.

Буря на перевале волком выла всю ночь. Отара превратилась в чёрный ком — так тесно овцы прижались друг к другу. Когда рассветло, друзья не могли понять, в каком направлении им идти. Весь мир был одной снежной стихией, не различишь, где небо, где земля.

Друг стонал от боли в ногах и дрожал от холода. О перегоне овец не могло быть и речи. Надо было спасаться. Оставив джарца и отару в пещере, ТИनाव направился домой, звать людей на помощь. К вечеру следующего дня он добрался до Чорода полуживым.

— А отара овец? Лошадь? — захваченный рассказом отца, спросил я.

— Говорят, через пару лет нашли седло и хурджины недалеко от местности под названием Онжо ЧИвараб (там, где убили некоего Онжо). Сама лошадь пропала. Джарца нашли мёртвым, он замёрз и умер. А отара чёрных барашков стала трапезой для стаи голодных волков. Старики рассказывали, что по речке Больоор от водораздела в сторону Джурмута долго ещё находили клочья чёрной шерсти и куски шкур. Это была ужасная картина.

— О мальчике, который убежал известно что-либо?

— Мальчик в ту же ночь добрался до дома, в Тушетию. На следующее утро он поднял весь аул и прямо вывел их на чабанов, где провёл ночь привязанным к дереву.

Озлобленные грузины, у которых убили чабанов и угнали овец, не пощадили братьев жены ТИнава. Их забрали в один грузинский город, заперли в какой-то крепости.

А отару их теперь пасли грузинские мальчики.

Окошко камеры, где разместили арестованных, как раз выходило на этот луг, и они могли видеть своих овец. Говорят, что как-то старший из братьев не выдержал и крикнул, и овцы, узнав голос, заблеяли на всю округу. Животные ведь чувствуют состояние своих хозяев.

— Была одна печальная песня этих арестантов, старые женщины напевали, а о чём, сейчас не помню, — сказал отец и задумался.

— Они вернулись домой?

— Нет, их судьба неизвестна. То ли сосланы в Сибирь и там умерли, или грузины отомстили за своих убитых, хотя они и не

были причастны к убийству грузин. Они имели несчастье принять у себя с отарой ГАлимасул ТИнава. Но ведь и не принять ТИнава они тоже не могли.

— Откуда тогда известна эта история про барашков и песня братьев, если они не вернулись?

— Чабаны, зимовавшие в Цоре, ходили и пытались освободить их, но ничего не получилось. Отсюда, наверное, песня и рассказы про отару, которая собиралась под окошком крепости, где они были заперты.

А тем временем родственники мстили за них.

Наши чабаны знали одного грузина, который был за главного в крепости, где держали пленников. Его убили позже братья из тухума Розал (Роз — леопард, название тухума; в прошлом выходцы из древнего аула Нодгчи, который был разорён во время распространения ислама) из Чорода.

— А что сам ТИनाव, который заварил эту кашу?

— У ТИнава была мучительная зима в Джурмуте. Односельчане из-за него пропали, друг из Джара умер — он не мог показаться на людях. Отара овец досталась волкам, лучший иноходец-конь пропал. А это тоже сильный удар по репутации горца. Говорят, целую зиму он был в халвате (аскетом), молился и не выходил из дома. Изредка выглядывал из окна и искал признаки весны, чтобы вернуться в Цор.

Наступила весна, он пришёл на рузман, а после рузмана попросил прощения у джамаата, сказал, что идёт на газават и не вернётся больше в Джурмут. У него было две жены: одна — из своего села Чорода, джурмутская, вторая — из Тохота (льебелай). Развёлся он с обеими женами; говорят, сыновей у него не было, только две дочери. Какова их дальнейшая судьба, я не могу знать, — говорит отец.

— И куда он...

— Всё туда же, в Грузию. На этот раз умереть шахидом на пути к Аллаху. Ибо его самолюбие и честь задеты, нет обратного пути, должен был умереть газием. Говорят, при первой же встрече пошла рубка, он зарубил несколько людей, и был сам убит. Я

видел его могилу в Грузии, там цорские аварцы ещё в советское время заново установили надгробие. Ты видел памятную плиту и белое знамя, которое вешают шахидам в местности Охнохда, где источник воды и памятники усопшим в Чорода?

— Видел, знаю я это место.

Когда отец произнёс название местности «Охнохда», я тут же вспомнил обрывки из назму, которое читала покойная бабушка о некоем шахиде. За точность не отвечаю, примерно так:

**Охънохъда шубаа со гири бугу,
Бодул цевехъанас жиб чези богъраб.
Гиридул къадануб байрахги бугу,
Чабхъадуль лебалас жиб махъи тараб.**

Постараюсь передать смысл песни-плача, звучание будет далеко от оригинала, надеюсь, что вы мне великодушно простите. Итак:

**В местности Охнохда есть памятная стела,
Которую установил предводитель
войска (в честь подвига).**

**Возле стелы водрузили знамя,
Наследство повелителя войск.**

— Это знамя и назар (памятник) Галимасул Тинаву, шахиду, как говорят. Шахид ли он? — вопрошает отец с неким скепсисом.

Его недоверие вполне понятно. Ведь и у меня самого по сей день нет однозначной оценки этим поступкам.

* * *

Дозволено ли забирать имущество людей иной веры, только лишь потому, что они другой веры? Что говорит шариат по этому поводу? Это вполне логичные и требующие разъяснения вопросы.

Чувствую, что в сегодняшних реалиях Дагестана моя собственная точка зрения окажется не самой популярной. Потому что, полагаю, гораздо удобнее, наверное, слыть не просто крутым мачо, наследником дерзких предков, но и обернуть это как подвиг и борьбу за ислам.

Ведь, оправдав жестокость, придётся отвечать за это в Судный день. Но, при всей противоречивости природы человека, о котором я рассказываю, о нём должны знать потомки. Чтобы брать с него пример в мужестве и доблести. И не брать того, что противоречит исламу, закону и здравому смыслу.

Борис Бергер

Воскресение

Я верю, что я воскресну, и я буду опять я. Только ещё прекраснее. Я верю, что все воскреснут.

Воскреснет моя бабушка Сима. Такая добрая, толстая, спокойная. Полная любви и гордости. Когда она была маленькая, её звали Шейва. Но директор революционной школы сказал, что нет такого имени — Шейва.

— Шейва – значит Шура, – сказал он. — А Шура – значит Сима.

Так она из Шейвы Боруховны превратилась в Симу Борисовну. Она воскреснет и опять скажет мне дзенскую фразу с еврейским акцентом:

— У тебя голова, полная пустоты!

Воскреснет мой любимый дедушка Женя.

Гениальный человек-ангел. Генрих Соломонович Тоскарь.

Пригласит всех на обед в воскресенье.

Воскреснет рано умерший от рака крови лётчик-испытатель дядя Саша, и они придут с тётёй Раей, Игорем и Златочкой.

Воскреснут друзья и родственники, и мы все сядем за стол. И будет прекрасный бесконечный воскресный обед.

Воскреснет старший дедушкин брат — непутёвый дядя Мика, и придёт со своей женой — бабушкиной сестрой тётёй Фридой. Все будут есть, пить и громко разговаривать. Мы включим цветной телевизор и будем смотреть фигурное катание. Воскреснут фигуристы и будут кататься.

После обеда половина людей расплзётся по комнатам спать, а самые близкие останутся за столом играть в «кинга» и разговаривать. Только я буду не маленький, как тогда, и не старый, как сейчас. А такой средний и идеальный.

Воскреснет Дима Антонов и позвонит, и заедет за мной на машине, и мы поедem в центр. Воскреснет Невелюк и будет ждать меня на Армянской. Воскреснет Кормильцев и позвонит и скажет, что он приезжает во Львов на неделю... И вот мы уже идём на кофе на Армянскую... Летний ветер дует прямо в лицо и треплет наши фраки и бакенбарды, срывает наши цилиндры, но мы придерживаем их руками и держимся за руки. Ветру нас не победить!

Приходим в центр — на Армянку.

А там воскресли Буренин, Дмитровский, Волошин, Тимофеев, Аксинин, Шнурок, Майский, Кузя и многие-многие другие-другие... Все стоят, пьют кофе, разговаривают... Молодые прекрасные девушки смотрят на нас и весело смеются...

Бурлит городская жизнь.

Где мой 17 лет?

Когда мне было 17, отмечал я новый год в городе Петрозаводске. Это столица Карелии. У меня там жил двоюродный брат Игорь. Крутой бизнесмен — городской любимец, который познакомил и подружил меня со всеми.

И понесло меня после семейных новогодних посиделок в ресторан «Фрегат». Ресторан был на корабле. И там гульбанили все знакомые брата.

И потрясающая барменша, бывшая стриптизёрша Галя по кличке ОСА. Красивая и развратная гурия.

Я влюбился с первого взгляда. Я читал в микрофон свои юношеские смешные стихи. А потом напился и устроил песни и пляски и чемпионат по армреслингу среди охраны. Победитель турнира — огромный охранник-вышибала, мой тёзка, тоже Борис, от радости и возбуждения метал в потолок табуретки и братался со мной.

«Кровавая Мэри» текла рекой и впадала в текилу.

Ночевали мы в ресторане на кожаных диванах.

А утром мы с Галей поехали в какие-то странные гости.

Квартира, где можно снять комнату для настоящего отдыха и безумной любви. И вот мы приезжаем, а там местные алколюди... Сидят и стол накрыт остатками еды от нового года,

и тихое гостеприимство. Люди в возрасте. Везде висят старые железные довоенные игрушки ёлочные. Такие тяжёлые, реальные и очень красивые. Люди сидят тихие и мрачные, и все ждут открытия магазина, чтоб догнаться. Ну а мы им из ресторана привезли пару бутылок. И все так радостно оживились.

Пошли разговоры: А вот вчера соседскую рыжую Надьку шуганули мы, чтобы не тёрлась тут — в нашем дворе! А Федя мне кричит, успокойся, б... А я ей говорю: ... и иди!

И такой тихий разговор в 7 утра. Карелия. Минус 37 за окном. Ватная, заснеженная, тихая советская зимняя благодать в глуши. И конечно же, внимание к гостям и ненавязчивая забота. И какая-то тётка, хозяйка квартиры, всё время говорит мне:

— Ты капустку лОжил? — с ударением на букву О.

Я говорю:

— лОжил!

— А лимон лОжил?

— лОжил!

— А сахар лОжил?

— лОжил, б... лОжил!

— Ну и, слава Богу! Кушай на здоровьечко!

Эх... А перина там была самая сладкая в моей жизни.

Таблетка

Когда мне было пять или шесть лет, умерла бабушка — мама моего отца.

Меня взяли на похороны, и я в первый раз в жизни увидел, как человека закопали в землю. И я понял, что мы все смертны, и что все мы умрём. Что я умру, и никуда от этого не деться.

Это было так страшно, так ярко, так пронзительно, что прямо там, на кладбище, у меня случилась истерика. Я рыдал и орал, рыдал и визжал, рыдал и орал.

Рыдал...

Меня откачивали, обливая холодной водой из кладбищенской колонки. Ночью я не мог заснуть, и тогда папа сказал мне, что когда я вырасту, изобретут такие таблетки, чтобы люди могли жить вечно.

Жить!!! Вечно!!!

Я успокоился и заснул.

А в шестнадцать лет я понял, что папа обманул меня, и таких таблеток не будет.

Это озарение случилось на трамвайной остановке в тот момент, когда передо мной закрылись двери трамвая. И я снова плакал ночью. Плакал ночью от горя. Как победить смерть?

С тех пор я решил себя не беречь.

Не беречь...

Не беречь.

* * *

В детстве я очень плохо ел. Особенно не навидел манную кашу.

Мама мучилась, чтобы меня накормить, и придумала две педагогические истории.

Вариант 1

Мама моя родилась в Питере. И когда я отказывался кушать, она начинала рассказывать про питерскую блокаду. Про то, как люди голодали и умирали. Про то, как они ели крыс, кошек, собак и друг друга. Мне становилось страшно.

Я представлял себе, что я в блокадном Питере. Вокруг все умирают от голода, а у меня есть хлеб с маслом и каша. Тогда у меня появлялся аппетит, и я съедал мерзкую кашу за две минуты.

Вариант 2

Мама говорила:

— А ты знаешь, что когда тебя не было дома, к нам приходил мальчик Саша и говорил: отдайте мне Борин любимый пистолет.

— Что за мальчик Саша? — пугался я.

— Хороший мальчик, который хорошо ест! — отвечала мама.

— Ну а ты что ему сказала? — с ужасом спрашивал я.

— А я ему сказала: уходи, мальчик Саша! Я не отдам тебе Борин любимый пистолет, потому что Боря тоже хорошо кушает, — отвечала мама.

И напряжение спадало, и я начинал быстро поглощать пищу, чтобы оправдать мамины слова.

Детская травма

Как сказал Игорь Клех: «За творчеством любого серьёзного писателя всегда стоит какая-то детская травма».

Мне всегда казалось, что меня недолюбили в детстве, и я вырос недолюбленным

ребёнком. Поэтому всегда искал любви и ласки.

Когда я вырос, любовь и ласка обрушились на меня как снежная лавина.

Мой папа Френк Заппа. А моя мама Буда Гаутама.

Нет.

На самом деле папа Корчной, а мама Елена Образцова. Это я дал им такие клички, потому что мама музыкант — концертмейстер оперных певиц и певцов, а папа очень любит играть в шахматы.

Несмотря на всю свою интеллигентность, в молодости мои родители были психологическими садистами. Когда я был маленьким и плохо себя вёл, родители устраивали мне такой спектакль. Меня ставили в угол, и папа садился за стол писать заявление в детский дом.

А мама диктовала: «Просим забрать нашего сына, Бориса Бергера, в детский дом, потому что он не слушается и плохо себя ведёт».

А я стоял в углу и рыдал от горя.

Жили мы в двухкомнатной квартире на пятом этаже львовской хрущёвки. Однажды я не выдержал и убежал в другую комнату. Открыл окно. Поставил тапочки на подоконник. И закричал: «ААААА-АААА-ааааа-ааааа!» — таким затухающим криком, как будто я выбросился в окно. А сам спрятался за шкаф и сидел тихо как мышка. Я был мал и наивен и, конечно же, папа быстро меня нашёл и надавал ремнём по жопе. Но в детский дом меня больше уже не сдавали. Так я остался жить дома и вырос в семье, как полноценный ребёнок. Только папа не разрешал меня целовать никому.

Ни маме, ни бабушке, ни дедушке. Вообще никому.

Чтобы я, не дай бог, не вырос пид... м.

Были у меня ещё две детские травмы.

Первый случай в 4 года летом. Гулял я с бабушкой и был в одних трусах, потому что было очень жарко. Рядом был скверик и горочка. Я залез на горочку и побежал вниз. И так разогнался, что не смог затормозить и упал в заросли крапивы. Я ревел как раненый бизон, я орал как бешеный марал, я визжал как свинья, которую режут. Я весь

покрылся пятнами и волдырями. А бабушка слюнявила лопухи и подорожники и облепляла меня с головы до ног.

Второй случай тоже в 4 года, там же, но только зимой. В скверике была детская площадка и детская горка, чтоб съезжать вниз на жопе. Старая горка без перил на стартовой площадке наверху. Вместе с нами гуляла ещё одна пара. Тоже бабушка со своей внучкой. Девочка была моей ровесницей.

Мы одновременно залезли наверх и сцепились в смертельной борьбе: кто съедет вниз первым. Борьба была напряжённой, и мы, схватившись друг за друга, упали вниз с трёхметровой высоты в снег, а наши бабушки в этот момент упали в обморок. Никто не пострадал. Но, когда мы приземлились, девочка оказалась снизу, а я сверху, и в полёте я её описал.

Теперь я воспринимаю это, как свой первый сексуальный опыт.

Бог, в которого никто уже не верит

Когда мне было 15 лет, я занимался в театральной студии Татьяны Малиновской. Почему-то она решила поставить пьесу Вольфганга Борхерта «За дверью». Это пьеса, «которую не поставит ни один театр, и не захочет смотреть ни один зритель». Бог там выступает в образе беспомощного и слезливого старика. Но стариков у нас в труппе не было, и режиссёрское решение Малиновской было такое: Бога должен играть самый младший — маленький мальчик, которому никто не верит.

Самым младшим был я. И я играл. И говорил такой текст в начале пьесы:

Мастер: — Ого, да ты кто?

Старик: — Бог, в Которого больше никто не верит.

Мастер: — Ну и чего ты плачешь? Эх ведь! Извиняюсь!

Бог: — Потому что не могу это изменить. Они стреляются. Вешаются. Топятся. Они себя убивают: сегодня сотнями, завтра — сотнями тысяч. И Я, Я не могу это изменить.

Мастер: — Мрак, мрак, папаша. Полный мрак. Но сейчас в тебя никто не верит, точно.

Бог: — Полный мрак. Я — бог, в Которого никто уже не верит. Просто мрак. И Я не могу это изменить, дети Мои. Я не могу это изменить. Мрак, мрак.

Мастер: — Эх ведь! Извиняюсь! Как мухи! Эх ведь! Неладная!

Бог: — Ну что Вы всё время так мерзко рыгаете? Просто ужас!

Мастер: — Да, да, отвратительно! Совершенно отвратительно! Профессиональная болезнь. Я — Похоронных Дел Мастер.

Бог: — Смерть? А ты прекрасно выглядишь! Ты теперь новый бог. В тебя они верят. Тебя они любят. Тебя боятся. Ты реальна. Тебя никто не отрицает! Тебя никто не хулит!

Боммм!

Прошло 30 лет. Иногда я думаю, что это всё в жизни неслучайно.

Что-то такое есть или, по крайней мере, есть какое-то смутное ощущение.

И вспоминаю слова из этой роли: «Я Бог, в Которого никто уже не верит и Который никого уже не интересуется».

Женщина, которая бежит

Признаюсь. Жизнь моя представляла собой проблему выбора между двумя простыми вопросами: «Жить следует для себя или для других?»

И здесь надо выбрать раз и навсегда — для себя или для других, и больше не нервничать, не париться, потому что «неделя для себя, а неделя для других» приводит к нервным расстройствам.

В 1996 году у меня случился роман. Я очень сильно влюбился в Москве. В прекрасную девушку. К этому моменту я был женат уже 10 лет. И вот я вернулся в Германию в состоянии стресса. Внезапно меня пригласили на выставку во Франкфурт. Фестиваль Франкфурт Музеум Шпилле. Русская мафия арендовала огромную поляну в центральном парке. Выстроили большую сцену и русский якобы павильон. Поставили 60 больших столов. Напекли блинов. Навезли контрабандной икры. И под культурную программу каждый час за столы садились 300 немцев.

Порция: 2 блинчика с икрой и рюмка водки — 15 евро.

Если среди вас есть экономисты, посчитайте прибыль за 4 дня.

2 копейки — мука, чтоб испечь блин, чайная ложка контрабандной просроченной икры и рюмка палёной водки. И я там жил и водку пил. По усам не текло потому, что не было усов и попадало всё прямо по назначению.

Я прожил там все 4 дня.

Артистов и музыкантов селили в цирковой лагерь известного американского дядьки. Кажется, его звали Гарри. Помню, что он плавал на корабле по Рейну с Бартевым и показом одной из ранних чёрно-белых коллекций Андрея, прекрасной коллекции, которую я очень люблю.

Лагерь-кемпинг находился на окраине города. Гарри купил штук сорок больших трейлеров, в которых жили артисты. Рядом громадная палатка Цирк-шапито.

Там я репетировал с гимнасткой под слайдами, а по ночам ходил на мостик покурить и пострадать. Честно говоря, мне было очень тяжело от всего этого...

А в конце фестиваля, когда все разъезжались, я на секунду подошёл к административной палатке — 5 метров от автобуса, и у меня украли портфель со всеми слайдами и всеми материалами. На то время примерно на 5000 долларов...

Я в шоке метался по аллеям среди фестивальной толпы в нелепой надежде, что кто-то выкинул портфель. Потому что, ну кому нужны мои слайды?

Состояние истерическое. Я бегу по тёмным аллеям, заглядывая в кусты, и не могу остановиться — не могу поверить в такую лажу, не могу успокоиться, не могу до конца осознать своё горе. И вдруг, чувствую, как кто-то меня ласково шлёпнул по жопе. Поворачиваюсь. Стоит какой-то чувак, а с ним две красивые тёлки и одна из них, негритянка, говорит мне по-английски:

— Ау тебя красивая задница!

И они радостно и завлекательно смеются и говорят, типа идём бухать с нами.

Это вывело меня из коматозного ступора, нет, из истерического шока, и я расслабился. Плюнул на всё. Махнул рукой и перестал искать. Я мог бы пойти с ними бухать и трахаться, но я был влюблен, и мне было не до того. Горько мне было.

И в горести я поехал домой.

Примерно за час до дома в поезд вошла группа немцев от 40 до 60 лет. Они громко шутили, смеялись и пили белое яблочное вино. Одна немка, лет пятидесяти, села напротив меня и спрашивает: «Почему ты такой грустный? Почему такие печальные глаза?»

Я говорю: «Потому что пипец. В личной жизни пипец, в работе пипец и вообще полный пипец».

Она говорит: «Послушай меня. Знаешь, я кто? Я продавщица рыбы. 5 дней с утра до вечера я продаю вонючую рыбу. Я не живу. Я воняю рыбой и продаю её тупым торгующимся людям. Мой мужчина бросил меня. Ушёл к другой — более молодой. Наверное, потому что я превратилась в вонючую рыбу. Я чуть не спилась от горя. И только в выходные я отмываюсь, и мы с друзьями бежим. Бежим, нахрен, куда глаза глядят, и насколько хватает сил. А потом покупаем вино и

едем обратно на поезде. Так что я живу только один день в неделю».

Это так сильно зацепило и пронзило меня, что я вспоминаю её по сей день.

Я приехал домой. Извинился. Собрал вещи и уехал в Москву. Но так и не развёлся, и не сделал другой любимой предложение. И вскоре наши отношения стали портиться. Я всё время чувствовал какое-то беспокойство. Какой-то грех.

Дочь растёт без меня в другой стране и т. д. Я поговорил с дочерью. Ей было 10 лет. Она плакала и страдала, что она ничего не может сделать. Тогда я забухал и сказал любимой девушке, что нам надо расстаться. Она плакала, от того, что ничего не может изменить, и просила снять квартиру. Говорила, что всё будет хорошо. Но я не смог. Тогда она завела себе молодого любовника, француза.

И вот тогда я начал умирать. Я делал всё, чтоб её вернуть, но было уже поздно. Она сказала мне самые страшные слова, которые я слышал в жизни, — она сказала: «Отпусти меня».

Я умирал полгода. Я ловил их по клубам, от боли в сердце у меня подкашивались

ноги. Я напивался и метелил француза. Друзья оттаскивали меня и спрашивали: за что? Я отвечал: за Пушкина.

По выходным я начал бегать. Пьяный. Я начал бегать, как та женщина — продавщица рыбы. И вдруг, в один прекрасный день, в начале лета, меня отпустило. Я вышел на улицу и чувствую, б... отпустилооо!!!

И я сказал: «Спасибо, Господи. Спасибо! И прошу тебя, Господи, я уже взрослый мальчик, и я со всем справлюсь, только вот этого больше не надо!». Был прекрасный тёплый день, и я пошёл в клуб «Пропаганда» пить пиво.

Сел за столик. Заказал свекольник со льдом и сметаной и пиво. Полумрак.

Странная музыка типа фанка-джаза-делик. Перелистывая «Дизайн иллюстрейтед» с моим последним проектом, я боковым зрением увидел, что на меня смотрит красивая девушка с удивительно красивыми глазами.

Наши взгляды встретились. И пипец — всё закрутилось по новой.

«Опасное дело — к кому-то привязываться. С ума сойти, до чего от этого бывает больно. Больно от одного лишь страха потерять». (Марк Леви. Похититель теней).

Саида Мухумаева

Мы — те молодые...

Мы — те молодые, что там, на войне
остались лежать, не дошедши до дома.
Сгорели в потоке расплавленных дней,
истлели в далёкой земле незнакомой.

Исчезли, своих не оставив могил, —
снаряды нас рвали живьём без разбора.
И, взорванный ими, нас ветер носил,
никто и не знал о причине раздора,

лишь слёзы ручьями текли, и с тоской
глядели вперёд наши жёны, а с ними
мечтали и дети, что день или сто —
мы вновь будем рядом, и снова обнимем.

Нас много, прийти не сумевших домой,
и раненых сонмы война накосила.
Хватило же миру великих умов,
что споры решают не словом, а силой.

Сгоревши в потоке расплавленных дней,
пропавши без вести, истлевшие сиром,
мы — те молодые, что там, на войне
остались лежать, мы желаем вам мира...

Птица

Та птица прекрасна, что песню поёт,
оттенков той птицы, цветов — миллионы.
И поле цветов круглый год благосклонно,
с улыбкой её провожает и ждёт.

Я душу свою открывала камням,
которые тайну хранили веками.
Ходила по скалам — и скалы те сами,
и летопись гор покорили меня.

Пускай не всегда и не всюду везло,
сильнее и крепче росла год от года:
и силы для жизни дала мне природа,
и горечь прошла, и на сердце светло.

Та птица прекрасна, что песню поёт,
оттенков той птицы, цветов — миллионы.
И поле цветов круглый год благосклонно,
с улыбкой меня провожает и ждёт.

Стих о генерале

Гайдар, тебя нет для жены и родных
детей и друзей. Им тебя не хватает.
Гайдар, тебя нет для села и большая
страна одного потеряла из них —

из тех, кто... чьё имя сияет, как свет...
Село о тебе никогда не забудет.
Не стало тебя. Утешеньем нам будет,
что в наших сердцах ты оставил свой след.

Сияет луна над могилой твоей —
любовь не иссякнет и смерти не станет:
ни имя твоё, ни дорога не канет,
лишь будут враги твои очень жалеть!

Пусть мама не плачет, что нет тебя. Нет,
не будешь забыт: на устах твоё имя.
Не плачьте, родные, он слёзы не примет:
мужчиной рождён и покинул он свет!

С почётом всегда вспоминаю, любя,
горжусь, что одна у нас родина, горец.
Когда, проходя мимо юдоли горя,
не холм и не камень я вижу — Тебя.

Покой

Всё, думаешь, знаешь и всё угадал —
«купил» ты весь мир, но его вдруг не стало?
Послушай себя — удивишься немало.
Подумай, в дороге устроив привал.

Умеешь играть — не стесняйся, играй,
но как отвечать за все эти игрушки?
Ты думал, ты — лучший, и был, может, лучшим,
но смысла не знаешь? И дальше не знай.

Слезам чужими ты власть получил?
А дальше-то что? Как справишься с этим?
И сам ты не видел покоя на свете,
и сердце, не зная покоя, молчит.

Солнце

Я очень хотела взлететь до Луны,
но так же стремительно всё разлетелось.
То сердце, что солнцем сияло и пело,
в момент оказалось в ужасной тени.

Ходила со звёздами за руку, и
осталась одна, лишь закрылось оконце.
Остался со мной, кто был тенью при солнце,
когда разлетелись мечтанья мои.

Что слёзы мои для тебя? Ничего.
От них для тебя только прошлым и веет,
а он в своём сердце надежду лелеет,
где солнце боится поверить в него...

Я очень хотела взлететь до Луны,
но так же стремительно всё разлетелось.
То сердце, что солнцем сияло и пело,
в момент оказалось в прекрасной тени.

Неужели...

— Неужели нет любви?
— Есть душа, полна до края,
через край река стекает —
слёзы чувством не зови.

— Неужели нет пути
в мир, где честь не только слово?
— Всех лгунов туда готова
я была бы отвести.

— Может, счастье — лишь туман?
— Я бы век его искала,
но для счастья счастья мало:
без ответа — всё обман.

Может быть...

Вместо сердца луну подарить тебе, может —
и тогда ты заметишь меня.
Видишь, солнце из рук моих в мир этот божий
покатилось, блестя и звеня?

Может, мне в небеса полететь и в ладонях
звёзды все принести до одной?
Может быть, умолять, чтоб услышал и понял?
Умереть за тебя, мой герой?

Может, мне на вершину подняться, скажи ты —
и с цветами к тому, кто так мил.
Может быть, совершить за тебя все молитвы,
чтоб Аллах тебя всем одарил?

Видишь, солнце из рук моих в мир этот божий
покатилось, блестя и звеня?
Вместо сердца луну подарю и, быть может...
Может быть, ты заметишь меня.

Сердце

Словно тенью твоей я была. Что ещё?
Ждёшь ответа? Себе же вопрос и задай.
Неужели сегодня ты время нашёл?
Слишком поздно. Прости и прощай.

«Не забуду, люблю, никому не отдам...»
Для чего тебе сердце, зачем голова?
Обещания были пустыми, как сам —
в пустоту улетали слова.

Обожжённое холодом сердце моё
не согреют ни солнце, ни утро, ни ночь.
Если имя твоё вдруг в груди оживёт, —
вынув сердце, я выброшу прочь.

Не пытайся лечить мои раны, иди.
Я — одна, и свободна и счастлива тем.
И надежды, и горести все позади.
Что прошло, не излечишь ничем.

Перевод с аварского Тимура Раджабова

Магомед Мусаев

* * *

Любить меня — паршивое искусство;
 Любить обиды, каждодневный плач;
 Молить: «Прошу, свидание назначь,
 Пока ещё на сердце красный сгусток,
 Который тронуть не посмел палач».

Любить меня — не облако на небе —
 Второе солнце в летний зной и жар,
 Готовое сей населённый шар
 Поджечь, как кое-что поджёт Макс Вебер,
 Используя мозги свои и шарм.

Любить меня — идти в конец тоннеля,
 Найти себе губительный исход:
 Сюжет, который бы и Мейерхольд
 Отверг холодным вечером апреля.
 Любить меня — позорный эпизод.

* * *

Презирая глазами и небо, и сушу,
 Перед богами не падая ниц,
 Я разглядить пытался шершавую душу
 Скрытым костром из книжных страниц.

Пытался пустить струю дыма по ранам,
 Чтоб возопили мне: «Сжальтесь,
 Вот уже, вот... уходим: пора нам!
 Пожалуйста, не обижайтесь...»

Но, чувствуя слабость ли, силу ли воли
 Моего несуразного грима,
 «Книгу сжигать, ты чуть не того ли?!
 Нам подари, уезжая из Крыма, —

Произнёс мне разительно зрело и просто
 В шагу от костра голос Саши. —
 Ты достигнешь, уверена, нового роста,
 Вглубь сотрясая удивления наши.

Теперь же, поставленный в угол,
 Ты душу разглядить возможность профукал».

* * *

Давай встретимся и выпьем чаю.
 С шоколадкой можно, можно с тортом.
 Умоляю тебя сердцем стёртым:
 «Давай встретимся и выпьем чаю!»

На любой из улиц и бульваров
 Ранним утром ли, иль поздней ночью,
 Где хватает полных самоваров
 Умолять тебя я не закончу:
 «Давай встретимся и выпьем чаю».

Будут между нами пусть обиды
 Из-за каждодневных глупых стычек.
 Возле золотой мы пирамиды,
 Выйдя из каких-нибудь кавычек,
 Встретимся, давай, и выпьем чаю.

И тоску в обёртке получаю,
 И тугие мысли от вопросов.
 Всё на день одноминутный бросив,
 Давай встретимся и выпьем чаю.

* * *

Бродя по золотому пляжу,
 Был отдан полностью мечтам —
 Приду домой, тебя поглажу,
 Как реки глядят Амстердам.

Прошло два дня. Все ждут коробки,
Когда преподнесу мечты,
Испачканный, в слезах и робкий,
Разочарованный почти.

На третий день явилась на дом,
И повторилось всё опять —
Мечты побыть с тобою рядом
И гладить поцелуем прядь.

* * *

Много раз мне твердили отчаянно:
«Грех выпрашивать душу с любовью в ответ!».
Но когда увидел, как своё получает удовольствие
От чая она
И шоколадных конфет,
Вступили и в драку, и в ссору —
Сразу! —
Моё сердце и пылливый разум,
К несчастью моему, позору!..

Чуть знавший любовь по романам,
В замешательстве
Я
Оказался
Теперь —
Как перед ребёнком для взрослых музей, —
Выход ища.
По своим ли рыскать карманам
Или
Слушать советы
друзей?

Но советчики эти
Сами
Разве
Лекарство знают от сердечной язвы?

Буду!..
Буду выпрашивать душу с любовью в ответ я,
Пока про гордость я забыл;
Направо и налево проливая кровь
От ветра,
Покуда
Держится пыл.

Моя кровь — слова любви, что схожи свечам,
Которые
Светят до зари,

Чтоб
Радовались встречам.

А ветер...
Ветер — это то место,
Отдалившись от дам,
Где поклялся бы Асе: «Сердце отдам!»

Много раз мне твердили отчаянно:
«Грех выпрашивать душу с любовью в ответ!»
Но когда увидел, как своё получает удовольствие
От чая она
И шоколадных конфет,
Вступили и в драку, и в ссору —
Сразу! —
Моё сердце и пылливый разум,
К счастью моему,
К влюблённому взору!..

* * *

От двух ромашек ближе к полю
Шагаю шатко, чтобы вволю
Провозгласить свирепю миру,
Притом томясь разлукой, болью:
«Люблю Индиру!»

Там, где гулял давно барашек,
В двухстах шагах от двух ромашек,
Звучать одну оставляю лиру,
Достав письмо в такт из кармашек:
«Люблю Индиру!»

Но прежде в модном магазине,
Где каждый держит по корзине,
С цветами подойду к кассиру:
«Признаться Вам: во всей трясине
Люблю Индиру!»

* * *

Скоро превратиться в гниль и тушу
Получаю кучу провокаций —
В первый день цветения акаций
Капельки дождя забрали душу.

Неприязнь и рознь какого рода
Господу нужно ввести в программу,
Чтобы забрать молодую маму
У ребёнка в четыре года?

Временно ль дрожат душа и пальцы,
Записав в тетрадку: «Хоть не трушу,
Скоро превратиться в гниль и тушу
Получаю кучу провокаций?»

* * *

Мне скучно пользоваться прозой.
Мне тошно зваться неродным.
И показаться грустно с розой,
Где некогда я был любим.

Где некогда близ побережья
Делился мыслями и тем,
Что мучаюсь: «И это где ж я
Схватить сумел шальную тем?»

Кладу молчание на ряд ... но,
Всё так же грустно, скучно мне
В костюмах явиться нарядно,
Чтоб счастья пожелать Луне.

* * *

Слезами кровоточат свечи,
Я — смиренно жду:
Кровать мы в браке изувечим
Петлей в бреду.

Приду, красивый, я для свадьбы
К тебе с венцом.
К твоим ногам — лишь не соврать бы —
Упав свинцом.

К твоим губам и то подавно
Свинцом упасть.
Чтобы украсть тебя, недавно
Готова снасть.

* * *

Слишком мила, грациозна та леди,
Ради которой любви не испорчу,
Ради которой, восстав из могилы,
Все соблазнитель прежнее столетий
Вечером мне приготовили порчу,
Вмиг собирая усердно все силы.

Слишком юна, добродетельна леди,
Ради которой готов на безумства,

Ради которой жених из деревни,
Смеет дарить ожерелья из меди,
Из-за чего согласен из уст вам
Кинуть укор самый сильный и древний.

Слишком умна и застенчива леди,
Ради которой женюсь очень рано,
Ради которой довольно богатый
Бросит богатства и кушать спагетти.
Ради которой сердечная рана
Вновь оживёт и не станет рогадой.

* * *

Из меня мольбы готовы литься —
Только вот доска:
Всё не нравятся ей сильно лица,
Если есть тоска.

Если есть угрюмость и печали —
Тоже, на лице,
Сморщится, как будто бы кричали
На её крыльце.

Потому приходится, где ласки
Искренние есть,
Лживые смеющиеся маски
Примерять как лесь.

* * *

Сложно счастливый с тобою я разве
Лёгкого счастья с кем-то ищу?
Снова рассерженный я любовь-язве
Что-нибудь разве сделать решу?

Разве гвоздями я режу ли вены
с грустью, от счастья снова устав?
Либо тем вечером не откровенный
ли для тебя я принял устав?

Ася, обиды забыв, нам нельзя ли
вновь разукрасить наши мечты
страстно губами, поскольку не взяли
разные краски среди красоты.

Разве всё это не счастья ли рубка?
Или я строю, или рублю?
Так вопрошаю я шатко и хрупко,
цену за счастье бросив к рублю.

